Обзорная статья /
Review Article

УДК 82-94+82.0
ББК 83.3(0)5+83

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII–XVIII вв.: ПРОБЛЕМА СИСТЕМАТИЗАЦИИ

© 2021 г. И.А. Поляков, М.А. Смирнова

*Российская национальная библиотека,
Санкт-Петербург, Россия*

Дата поступления статьи: 23 июля 2020 г.

Дата одобрения рецензентами: 22 ноября 2020 г.

Дата публикации: 25 декабря 2021 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-400-445>

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 19-19-50137*

Аннотация: Статья представляет анализ научных исследований, посвященных русской мемуарной литературе XVII–XVIII вв. Авторы обратились к обобщающим исследованиям гуманитарного направления (литературоведческим, историческим, культурологическим и философским), в которых затронуты теоретические проблемы классификации и внутренней систематизации разновидностей мемуарной литературы. Отдельно показана эволюция терминологического аппарата, применяемого в исследованиях мемуарных источников. Особый аспект, отраженный в статье, касается внимания исследователей к рукописной культуре и бытованию в ней памятников мемуарной литературы. Рассмотрев историю изучения вопроса в хронологическом развитии, авторы статьи выделили несколько периодов, описали главные исследовательские школы в рамках традиционных исследований и охарактеризовали труды сторонников «новой» методологической парадигмы. Обращение к проблеме систематизации в историографии продемонстрировало необходимость дальнейшего изучения узловых проблем в исследовании мемуарной литературы. В заключении авторы обозначили перспективные направления для создания адекватных принципов систематизации, определения границ жанра и критериев отбора мемуарных памятников, существующих в рукописной традиции.

Ключевые слова: автобиографический жанр, дневники, мемуарная литература, рукописная культура, рукописные памятники, русская литература, историография.

Информация об авторах: Иван Анатольевич Поляков — кандидат исторических наук, научный сотрудник, Российская национальная библиотека, ул. Садовая, д. 18, 191069 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2790-1891>.

E-mail: ivan669@bk.ru

Мария Александровна Смирнова — кандидат исторических наук, научный сотрудник, Российская национальная библиотека, ул. Садовая, д. 18, 191069 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9756-2699>.

E-mail: smirnmr@gmail.com

Для цитирования: Поляков И.А., Смирнова М.А. К истории изучения русской мемуарной литературы XVII–XVIII вв.: Проблема систематизации // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 4. С. 400–445. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-400-445>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 6, no. 4, 2021

HISTORY OF THE STUDIES IN RUSSIAN MEMOIR LITERATURE OF THE 17TH–18TH CENTURIES: THE PROBLEM OF CLASSIFICATION

© 2021. Ivan A. Poliakov, Maria A. Smirnova

*National Library of Russia,
St. Petersburg, Russia*

Received: July 23, 2020

Approved after reviewing: November 22, 2020

Date of publication: December 25, 2021

Acknowledgements: The study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), research project No. 19-19-50137.

Abstract: The article focuses on the historiography of Russian memoir literature of the 17th–18th centuries. The authors turned to general studies in humanities (literary, historical, cultural, and philosophical) which discuss theoretical problems of classification and internal systematization of the varieties of memoir literature. The evolution of the terminological apparatus used within memoir studies is shown separately. A special aspect, reflected in the article, concerns attention of the researchers to the manuscript culture and the existence of monuments of memoir literature within this culture. Considering the history of the question chronologically, the authors of the article identify several periods, describe major research schools within the framework of traditional research, and discuss the studies in the field of the “new” methodological paradigm. Addressing the problem of classification in historiography demonstrates the need for further study of key problems in the memoir studies. In conclusion, the authors identify perspective direction towards creating adequate principles of classification, defining genre delimitations and criteria for selecting memoir monuments that exist in the manuscript tradition.

Keywords: autobiographical genre, diaries, memoir literature, manuscript culture, handwritten monuments, Russian literature, historiography.

Information about the authors: Ivan A. Poliakov, PhD in History, Researcher, National Library of Russia, Sadovaya St. 18, 191069 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2790-1891>

E-mail: ivan669@bk.ru

Maria A. Smirnova, PhD in History, Researcher, National Library of Russia, Sadovaya St. 18, 191069 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9756-2699>

E-mail: smirnar@gmail.com

For citation: Poliakov, I.A., Smirnova, M.A. “History of the Studies in Russian Memoir Literature of the 17th–18th Centuries: The Problem of Classification.” *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 4, 2021, pp. 400–445. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-400-445>

Введение

Памятники мемуарной литературы являются важными источниками для исследования различных проблем русской государственности, русского общества и культуры XVII – начала XXI в. Они представляют не только авторский взгляд людей на произошедшие события и уникальные сведения о них, отсутствующие в официальных источниках, но и материал для изучения самосознания человека в разные временные периоды. В современной науке ценность мемуаров как жанра литературы, исторического источника и как корпуса сведений о прошлом не подлежит сомнению, а представления об их «вторичности» и «необъективности» оспорены более чем полвека назад.

Издание и изучение произведений мемуарного характера насчитывает более двухсот лет. За тот период в научный оборот были введены сотни памятников, решены многие вопросы, касающиеся исследования мемуаров, созданы целые направления в изучении мемуаристики. Тем не менее ряд проблем в рамках данной темы до сих пор не решен, а многие произведения не выявлены и не опубликованы. Являясь предметом особого внимания как литературоведов, так и историков, мемуарная литература рассматривалась с разных позиций и с применением различной исследовательской методологии.

В последние годы сотрудниками Отдела рукописей Российской национальной библиотеки и других архивохранилищ проводится работа по поиску, анализу и публикации неизвестных ранее мемуарных источников конца XVII–XVIII вв. Обращение к научной литературе, посвященной мемуаристике данного периода, показало, что как в исторической науке, так и в литературоведении существуют дискуссионные вопросы, требующие

внимания исследователей. Одним из них, на взгляд авторов статьи, является проблема классификации (систематизации) мемуарных памятников. В научной литературе существуют многочисленные работы, посвященные истории изучения мемуаров — в последние десятилетия подобные историографические обзоры присутствуют в монографиях, статьях, учебниках и методических пособиях. В них история исследования и публикации мемуарных источников преимущественно рассматривается в хронологическом порядке, кратко освещаются направления в изучении. Так, «классические» исследования XIX – конца XX в. обобщены в историографических разделах монографий Л.Я. Гаранина, А.Г. Тартаковского, А.Е. Чекуновой, статьях Д.М. Галиулиной и Н.Н. Ивановой, а также в учебном пособии, подготовленном К.О. Валегиной и Н.И. Приймак [8; 9; 27; 54; 62–64; 68]. Исследования последних лет, выполненные с привлечением новых антропологических и междисциплинарных подходов, отражены в работах Н.И. Филатовой и Ю.П. Зарецкого [22; 24; 25; 67]. Вышеназванные труды дают представление об истории изучения мемуаристики в целом, однако в них лишь кратко отмечена рассматриваемая в данной статье проблема систематизации. На наш взгляд, дальнейшее изучение и публикация обнаруженных рукописных памятников мемуарного характера XVII–XVIII вв. невозможны без анализа взглядов предшественников на проблему. Таким образом, целью настоящей статьи является определение основных достижений историографии в решении данного вопроса. По результатам исследования станет возможным сформировать дальнейшие направления в изучении рукописных памятников мемуарного характера конца XVII–XVIII вв.

Ввиду невозможности подробно проанализировать все научные работы, посвященные источникам мемуарного характера, авторы статьи намеренно ограничили их тематику. В частности, исследования зарубежных ученых носят либо теоретический характер, либо были написаны на конкретном (не русскоязычном) материале, поэтому они не рассмотрены в настоящей статье. В то же время труды таких специалистов, как Г. Миш, Ф. Лежен, Г. Янке, Ж. Прессер, Дж. Олни и других оказали большое влияние на работы отечественных исследователей в последние десятилетия. Концепции данных ученых подробно рассмотрены в цикле историографических работ Ю.П. Зарецкого [20–25], а также в историографической части статьи В.Г. Безрогова [4]. За рамками настоящего исследования также оставле-

ны работы, посвященные мемуаристике XIX–XX вв., за исключением тех, в которых ученые ретроспективно привлекали материалы предшествующих столетий и анализировали эволюцию мемуарной литературы до XIX в. В статье не рассматривались научные труды, касающиеся изучения отдельных памятников XVII–XVIII вв., — анализу взглядов их авторов и методов работы с конкретными материалами может быть посвящено специальное исследование.

Терминология

Исследование дискуссионных вопросов в изучении мемуаристики невозможно без краткого рассмотрения терминологических споров, оказавших влияние на проблемы систематизации мемуарных произведений. За последние два столетия терминология претерпела существенные изменения, что отразило смену методологических парадигм и подходов в изучении мемуаров.

В исторической науке XIX в. проблема понятий в изучении мемуарных памятников не поднималась. П.П. Пекарский, Н.Д. Чечулин и другие ученые не всегда объясняли критерии выборки тех или иных памятников в качестве мемуарных, апеллировали к авторским заглавиям произведений и использовали понятия «мемуары», «заметки», «записки», «сказания» и «рассказы» как синонимичные, противопоставляя их произведениям художественной литературы в форме мемуаров [53, ч. 1, с. 55; 68]. Схожая терминология отражена в дореволюционных словарных статьях и каталогах.

В первой половине XX в. наметились попытки терминологически разграничить конкретные мемуарные произведения и группу источников в целом. А.С. Лаппо-Данилевский предложил использовать в качестве обобщающего понятия термин «мемуары», а не «воспоминания», означающие, по его мнению, сам мыслительный процесс [40, с. 399]. Авторы статьи в «Литературной энциклопедии» в качестве обобщающего избрали понятие «мемуарная литература» [37].

С середины XX в. в историографии началась дискуссия о терминах, используемых при изучении памятников мемуарного характера. Каждый исследователь или группа ученых стремились предложить свое понятие в качестве обобщающего. Помимо терминов «мемуарные источники» и «мемуарная литература», историками и литературоведами использовались

различные собирательные понятия: «литература мемуарно-дневникового характера» — Л.М. Рошаль и Л.И. Деревнина [58, с. 270; 14, с. 36], «мемуарно-автобиографические произведения» — Г.Э. Гюбиева [13], «источники мемуарного характера» — С.С. Минц [50, с. 56], «мемуарно-автобиографические жанры» — Г.Г. Елизаветина [16, с. 236–237] и др. Под этими терминами авторы понимали один круг источников (различия в их систематизации будут рассмотрены ниже), поэтому в настоящей статье не приводится развернутая характеристика вышеуказанных определений — их специальное исследование на материале научной литературы и словарных статей было выполнено Е.М. Агафоновой [1].

С 1980-х гг. стало широко использоваться понятие «источники личного происхождения», в которые исследователи, помимо мемуаров и дневников, включали письма. Данный подход отразился в соответствующих разделах учебных пособий по источниковедению [59; 65]. В специальных работах, посвященных проблемам мемуаристики, понятие «источники личного происхождения» впервые применила А.Е. Чекунова [68, с. 3]. В литературоведческих исследованиях 1990-х – начала 2000-х гг. продолжил использоваться понятийный аппарат, основанный на жанровом делении.

В последние два десятилетия в российских исследованиях гуманитарного направления под влиянием западных концепций большое распространение получил термин «эго-документы», который объединил более широкий спектр текстов, чем понятие «источники личного происхождения». Следствием этого подхода стал отказ ученых от классификации произведений по форме и стремление разделить их по цели создания или исходя из коммуникационных связей «автор-текст-читатель». Приверженцы этого направления включают в понятие «эго-документы» большое разнообразие источников¹.

Помимо обобщающего термина «эго-документы», в новейших исследованиях можно встретить такие определения, как «автобиографические тексты» — Ю.П. Зарецкий [23, с. 106], «автобиографическое письмо» — В.Г. Безрогов [5, с. 10], которые объединяют не только письменные, но и устные «рассказы о себе» — то, что в классификации, разработанной Л.Н. Пушкиревым и ставшей классической для историков второй половины

¹ См. организованные в последние годы тематические конференции и сборники научных трудов [29; 71].

XX в., было невозможно [55]. Применение учеными понятийного аппарата психологических, социологических и философских исследований («автобиографический нарратив», «автодокументальный дискурс» и т. д.) демонстрируют все больший интерес исследователей к междисциплинарным подходам при изучении текстов прошлого. Влияние, оказанное «лингвистическим поворотом» на исторические исследования, повлекло не только повышенное внимание к структурам текста, но и расширило использование терминов постмодернистского дискурса [67, с. 24–25]. Другим направлением последних лет стало использование иноязычных терминов, не имеющих на данный момент устоявшегося перевода на русский язык. Среди них в научной литературе встречаются понятия: “life writing”, объединяющее как биографические, так и автобиографические тексты; “écrits personnels” — сочинения «частного порядка». Термин “Selbstzeugnisse” (англ. “self-narrative”) — «рассказы о себе», разработанный группой исследователей Свободного университета в Берлине в 2000-е гг., использован в последних работах Ю.П. Зарецкого [23]. Таким образом, в трудах ряда современных исследователей наблюдается отказ от традиционного понятийного аппарата, основанного на жанровом делении. Словами Ю.П. Зарецкого, «автобиография — это не жанр, а лишь, говоря современным языком, определенный тип дискурса» [20, с. 110–111].

В настоящей статье авторы оперируют традиционными понятиями: «мемуары», «мемуарная литература», «мемуарные источники», «произведения мемуарного жанра» и др. как синонимичными.

Проблема систематизации

Вопрос о месте мемуарных произведений в классификации литературных жанров и исторических источников, а также об их внутренней систематизации так или иначе затрагивался в большинстве работ, посвященных русской мемуаристике, начиная с середины XIX в.

В исследованиях П.П. Пекарского и Н.Д. Чечулина, ставших основополагающими для дореволюционной традиции изучения мемуарной литературы, мемуарные источники XVIII в. проанализированы в хронологическом порядке. П.П. Пекарский исследовал известные произведения XVIII в. с целью рассмотреть историю русского языка того периода и определить причины его «переворота» в XIX в. [53]. Для выполнения поставленной за-

дачи ученый разработал собственный метод работы с памятниками мемуарного характера. В каждом случае П.П. Пекарский сначала обращался к биографии автора, а затем анализировал текст памятника: язык, описываемые события и авторский взгляд. К исследованию он привлек не только опубликованные тексты, но и обращался к их рукописным спискам, замечая, что между ними присутствуют разночтения, так как «все они более или менее подвергались различным переменам при переписке и печатании, иногда не намеренно по безграмотству, в других случаях с целью поддаться под современный язык» [53, ч. 2, с. 38]. Тем не менее проблема систематизации использованных источников в его работе напрямую не поднималась — он использовал самоназвания произведений, рассматривая каждое из них как мемуары-воспоминания, и не делал различия в их жанровом разнообразии. Вслед за П.П. Пекарским, Н.Д. Чечулин также не обозначил границы жанра и не представил внутренней классификации мемуаров. Ученый противопоставил их художественной литературе, а также указал, чем именно они ценны и как их изучать [70].

В 1896 г. в 19-м томе «Энциклопедического словаря» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона вышла статья «Мемуары» [43]. В ней было подробно описано значение мемуаров для изучения истории прошлого, а также приведены примеры наиболее известных мемуарных произведений России и Европы. В статье отмечено, что мемуары могут иметь различную форму. Помимо воспоминаний, описывающих жизнь автора или события через длительный промежуток времени, выделены дневник и «мемуары, имеющие характер анекдотов <...>, и прямо рассчитывающие на занимательность и даже пикантность» [43, с. 71]. По-видимому, критерием определения разновидностей мемуаров для автора статьи была не только форма, но и характер работы над ними их составителей. Он не включил в состав мемуарных произведений записки иностранцев о России, так как последние «во многом имеют характер мемуаров, но обыкновенно основываются и на печатных материалах» [43, с. 74].

В дореволюционной историографии было опубликовано несколько библиографических каталогов, посвященных изданным и готовящимся к изданию памятникам русской мемуаристики [10; 51; 56]. В данных работах использовались хронологический и алфавитный способы систематизации материала, однако отсутствовали вступительные статьи, объясняющие

включение в списки того или иного памятника, а также разъяснения использованных терминов. Анализ справочников показал, что их составители также рассматривали понятия «записки», «мемуары» и «воспоминания» как синонимы и стремились указать наибольшее число нарративных источников независимо от их формы, истории и обстоятельств создания.

Текстам личного происхождения — дневникам, воспоминаниям и письмам — был посвящен неизданный третий том «Опыта русской историографии» В.С. Иконникова². При изучении проблемы достоверности тех или иных мемуаров ученый обратил внимание на их форму и разделил дневник, «который до известной степени соответствует летописи, или повествование о прошлом», и повествование, созданное по истечении длительного времени со дня события [34, с. 327]. Последнее он считал более совершенным видом мемуаров, так как оно представляет собой развернутое описание события и «претендует на более обширное значение и широкий круг читателя» [34, с. 329]. Таким образом, В.С. Иконников расширил понятие «мемуары» и включил в него памятники, выполненные в форме дневника.

Первую попытку проанализировать значение термина «мемуарная литература» и систематизировать памятники, входящие в ее состав, предприняли Р.Ф. Кулле, Н.Ф. Бельчиков и В.А. Дынник [37]. Отметив близость мемуаров и художественной литературы, они пришли к выводу, что ключевым различием между ними являются «исключительно или преимущественно познавательные функции» мемуарной литературы без каких-либо специальных художественных установок [37, стб. 131]. По мнению авторов статьи, несмотря на то что в каждом источнике мемуарного характера переплетены разные жанровые особенности, существует возможность выделить основные жанры. Предложенная авторским коллективом систематизация включила следующие разновидности: дневник — наиболее примитивная форма, содержащая ежедневные или периодические записи о происходящих в жизни автора событиях и его личных переживаниях; воспоминания или записки — описание событий через определенный (часто большой) промежуток времени «под углом зрения определенной идейной концепции»; автобиографии и исповеди — в центре подобных произведений находится жизнь автора или переломные моменты, оказавшие большое влияние

² Неопубликованная рукопись монографии хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. О ней см.: [34: 35].

на его жизненный путь; биографические воспоминания и некрологи — памятники, посвященные воспоминаниям автора о другом лице, являющимся центральным в произведении, в некоторых случаях написаны под впечатлением от его смерти [37, стб. 132]. В традициях 30-х гг. XX в. авторы представили и другую систематизацию — классовую, в которой проводилось различие между произведениями господствующего класса и памятниками, созданными революционными демократами, рабочими и крестьянами («представителями пролетарского социализма»). В рамках единого классового сознания, по мнению ученых, жанры мемуарной литературы определяются характером их содержания. К примеру, при анализе мемуаров рабочего класса выделяются социально-бытовой и социально-политический жанры [37, стб. 133].

Систематизация памятников мемуарной литературы отсутствует в учебнике «Источниковедение истории СССР» 1940 г. В части, посвященной мемуарам XVIII в., М.Н. Тихомиров отметил, что в тот период в России большое развитие получили «различного рода дневники, записки и воспоминания» [66, с. 220]. Ниже им приведена более простая классификация — в составе мемуарной литературы выделяются воспоминания (мемуары) и дневники [66, с. 221].

С конца 1950-х гг. начался новый этап в изучении проблемы систематизации мемуарной литературы — появились специальные работы, посвященные теоретическим аспектам изучения мемуарных памятников как литературного жанра и исторического источника. Одним из первых методических исследований стало учебное пособие М.Н. Черноморского [69]. Оно посвящено, преимущественно, мемуарам советской эпохи и методам их анализа. На основании данных материалов автор поставил вопрос о возможной систематизации мемуарных источников. Основными критериями схемы стала форма и содержание памятников. М.Н. Черноморский выделил две разновидности воспоминаний («мемуаров»³): обо всем «жизненном пути автора» и описания конкретных событий, участником которых он был. Третьей жанровой разновидностью ученый обозначил различные дневниковые формы (дневники как первоисточники, включающие периодический записи и современные описанным событиям; дневники, перера-

3 М.Н. Черноморский использует понятие «мемуары» в двух значениях: для обозначения всех мемуарных источников в целом и как синоним жанра «воспоминаний».

ботанные позднее), отметив, что в истории и литературе часто встречаются воспоминания, выполненные в форме дневника, но не являющиеся им. Последней группой мемуарных произведений М.Н. Черноморский считал литературную запись, появившуюся, по его мнению, после событий Великой Отечественной войны. Под этим понятием он понимал запись воспоминаний человека, отредактированную писателем или литературным редактором, при условии, что последний произвел только литературную обработку и не имел «возможности вносить свое авторское толкование описываемых событий» [69, с. 14]. В заключении автор признал, что данный перечень разновидностей мемуаров характерен преимущественно для литературы Советского периода.

Выводы М.Н. Черноморского открыли в научной литературе дискуссию о принципах внутренней классификации мемуарных источников.

В 1961 г. из печати вышла научно-популярная работа В. Кардина, посвященная принципам составления и изучения мемуарных памятников [32]. Автор отметил их связь с произведениями художественной литературы, публицистикой и научными работами. Мемуарную литературу он разделил на три разновидности: автобиографии (в центре повествования жизнь автора), записки или воспоминания (описаны исторические события и эпизоды из жизни автора) и дневники, «являющиеся самостоятельным видом мемуарной литературы» [32, с. 83].

Другую позицию высказала Л.И. Деревнина [14]. Она впервые проанализировала предшествующую литературу по данной проблеме и установила, что в работах ученых не только не выработана единая классификация, но и сами термины «мемуары» и «мемуарная литература» часто используются в разных значениях. Она предложила применять понятия «мемуары», «мемуарная литература» и «мемуарные источники» только в обобщающем значении — для характеристики «записок современников, повествующих о прошлом, источником которых является в основном память» [14, с. 36]. Среди них Л.И. Деревнина выделила несколько разновидностей: воспоминания; литературные записи; стенографические (протокольные) записи воспоминаний; записи воспоминаний мемуариста третьими лицами, оказывающими влияние на рассказ; дневники.

Свой взгляд на проблему деления мемуарных источников в 1960–1970-е гг. представил А.А. Курносов. Ученый не посвятил проблеме

систематизации отдельного исследования, однако в своих многочисленных работах неоднократно отмечал сложность и жанровую разнообразность мемуаров, невозможность разделить их по одному критерию [38; 39]. Он не согласился с выводами М.Н. Черноморского, Л.И. Деревниной и других исследователей и предложил не включать в понятие «мемуары» дневники, письма, автобиографии и путешествия. Полемизируя с современниками, он отмечал, что письма, дневники и воспоминания могут быть отнесены к виду источников личного происхождения, хотя и признавал, что видовая классификация исторических источников нуждается в дальнейшей разработке [38, с. 5]. Согласно его концепции, мемуарные источники представлены тремя разновидностями: мемуарами (составленными автором), литературными записями и стенограммами устных воспоминаний [39, с. 23].

Г.Е. Гюбиева в диссертации, посвященной проблемам развития мемуарно-автобиографических произведений в XVIII в. и их связей с художественной литературой, пришла к выводу о невозможности разделить русские мемуарные памятники того периода на жанры [13]. По ее мнению, система жанров, описанная в статье Р.Ф. Кулле, Н.Ф. Бельчикова и В.Ф. Дынник, не может быть применена к произведениям XVIII в., так как «в мемуарах тех лет трудно разграничить дневник, воспоминание, автобиографию, потому что чувство личности, сознание ее ценности, без чего нет ни воспоминаний, ни автобиографии, только еще пробивает себе дорогу» [13, с. 5]. В работе Г.Е. Гюбиева намеренно отказалась от попыток систематизировать исследуемые памятники и ввела для них общее понятие — «мемуарно-автобиографические произведения» [13, с. 4].

Две схемы классификации мемуарных источников в специальной работе указал В.С. Голубцов [12]. Автор разделил понятие «мемуары» на две разновидности по форме — воспоминания и дневники [12, с. 36–37]. Ученый высказал суждение, что дневники не всегда представляют собой последовательные записи, выполненные в хронологическом порядке, а часто существуют в форме «записных книжек» или записок, куда их авторы помещали не только свои впечатления о произошедших событиях, но и собственные мысли, творческие черновики, высказывания, бытовые подробности, иногда дополненные информацией из других источников [12, с. 65–66]. Мемуары в целом В.С. Голубцов разделил по содержанию: об отдельных эпизодах, свидетелем которых стал составитель; о крупных исторических событиях и

эпохах, которые застал автор; автобиографические мемуары (в центре повествования — жизненный путь автора); биографические мемуары (в центре повествования — жизненный путь другого человека).

Таким образом, в 50–70-е гг. XX в. специалисты предложили несколько схем внутренней классификации мемуарной литературы. Основными критериями для разделения являлись форма и содержание произведения и, в некоторых случаях, социальное положение его автора. Для разработки систематизаций ученые использовали преимущественно опубликованные мемуары Советского периода. Тем не менее их выводы были распространены на все этапы истории русской мемуаристики. Наиболее дискуссионными вопросами в тот период стали проблема определения обобщающего термина для группы мемуарных источников, а также проблема выделения дневников в один из видов мемуарной литературы.

Эти противоречия отразились в учебнике «Источниковедение истории СССР» под редакцией И.Д. Ковальченко. В главах, посвященных мемуарной литературе разных эпох и написанных отдельными исследователями, представлены три различных взгляда на проблему классификации мемуаров. М.Т. Белявский разделил памятники мемуарной литературы на «воспоминания или собственно мемуары, автобиографии и дневники» [6, с. 274]⁴. Автор отметил разнообразие форм мемуаров, которые могут как сближаться с официальными документами (протоколами, отчетами), так и являться полноценными литературными произведениями [6, с. 275]. С.С. Дмитриев, напротив, рассматривал воспоминания, дневники и частную переписку как три особых разновидности источников личного происхождения, различающихся по форме, содержанию и методам анализа. Он указал, что каждый из источников можно классифицировать по «тематико-хронологическому» принципу и «социально-профессиональному» происхождению их авторов [15, с. 402]. В.С. Голубцов в главе о памятниках Советского периода выделил мемуарные и эпистолярные источники, где первые подразделяются на дневники и воспоминания [11, с. 530]. По мнению автора, воспоминания включают в себя несколько жанров, наиболее популярными из которых являются автобиографические и биографические [11, с. 534–535].

4 В главе термины «мемуары» и «мемуарная литература» используются как синонимичные для обобщения всей группы источников. Понятие «мемуары» также применено в узком смысле слова в значении «воспоминания».

1970-е гг. отмечены подготовкой нескольких каталогов мемуаров и дневников, как опубликованных, так и рукописных. Многотомное издание «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях» под редакцией П.А. Зайончковского объединило произведения с XV в. до 1917 г. [30]. Во введении к каталогу П.А. Зайончковский «условно» объединил воспоминания и дневники в группу «мемуаров» — неофициальных нарративных источников, дающих историкам уникальные представления о «закулисной стороне изучаемого явления», о нравах, быте, обычаях [19, с. 3]⁵. Ученый также предложил разделить мемуарную литературу на группы, исходя из содержания: мемуары, посвященные описанию длительных периодов («эпох») в истории государства и общества; мемуары об отдельных исторических эпизодах; мемуары об известных личностях — биографии, автобиографии, некрологи; воспоминания о путешествиях и путевые дневники. Систематизация «по содержанию» позволила коллективу авторов включить в каталог воспоминания, записанные со слов рассказчика («литературную запись»), воспоминания в форме писем, анекдоты XVIII в. и даже жития святых в том случае, если их авторами являлись современники, а достоверность сведений доказана исследователями.

В вышедшем в то же время указателе мемуаров и дневников из фондов Отдела рукописей Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (совр. Российская национальная библиотека) было отмечено, что, «несмотря на существенные различия между воспоминаниями и дневниками с точки зрения времени их написания, <...> [эти] материалы родственны друг другу, как источники единой видовой группы» [31, с. 3]. В каталог были также включены «журналы военных действий», чьи авторы по датам фиксировали боевые действия на суше и море, хотя, по мнению составителей указателя, «они и не являются мемуарно-дневниковыми произведениями в собственном смысле слова» [31, с. 6].

С конца 1970-х гг. начался следующий этап в изучении проблемы систематизации мемуарной литературы.

В 1977 г. из печати вышла статья С.В. Житомирской, редактора каталога воспоминаний и дневников из собрания Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина (совр. Российская государственная

5 П.А. Зайончковский отказывается от участия в дискуссии о терминах и использует понятия «группа», «вид», «тип» источников как синонимы.

библиотека) [17]⁶. Исследовательница отметила, что при изучении мемуарных произведений большинство специалистов уделяют внимание принципам их критики и преимущественно рассматривают вопросы о достоверности содержащихся в них сведений. Напротив, проблемы выделения круга источников, входящих в понятие «мемуары», их разделение по жанрам, по мнению автора, являлись на тот момент недостаточно разработанными. Проанализировав уже существовавшие систематизации, С.В. Житомирская пришла к выводу о том, что ни одна из предложенных схем не отразила «реальной» картины: они либо упрощали многообразие источников, либо были созданы на основании недостаточно разработанных критериев, нехарактерных для каждого из выделяемых жанров. По мнению автора, сложившаяся в историографии ситуация была связана с тем, что специалисты, использовавшие в работах только опубликованные мемуары, сталкивались со «значительно меньшим их разнообразием», чем историки-архивисты, разбирающие личные архивные фонды [17, с. 44]. Возглавив работу по составлению каталога, С.В. Житомирская столкнулась с практическим вопросом — какие источники мемуарного характера следует описывать в издании (т. е. рассматривать как мемуарные), а какие нет. Исследовательница отметила сложность исследуемых материалов — их близость к художественной литературе или официальным документам, наличие черт сразу нескольких литературных жанров. Тем не менее для создания каталога коллектив авторов выработал свой принцип систематизации источников. С.В. Житомирская поддержала предложение Л.И. Деревниной об использовании терминов «мемуарный источник» и «мемуары» только для обобщения всей группы данных материалов и призвала других исследователей не употреблять понятие «мемуары» как синоним термина «воспоминания». Она выделила в качестве жанров мемуарных источников воспоминания и дневники, так как, по ее мнению, «способ фиксации рассказа не меняет его жанровой принадлежности» [17, с. 46]. К первой группе С.В. Житомирская отнесла следующие разновидности воспоминаний — «рассказов отдельных лиц о прошлом: о своей жизни, отдельных случаях, событиях, людях, известных авторам по личным впечатлениям или по рассказам других» [17, с. 46]. Наибольшую сложность составители каталога испытали при отделении

6 Основные положения статьи в сокращенном виде отражены в «Предисловии» к каталогу [18].

мемуарной литературы от других повествований — литературных произведений, имеющих автобиографические составляющие; корреспонденции; научных трудов и памятников научно-популярной литературы; делопроизводственных материалов. В первом случае С.В. Житомирская предложила разделять литературную судьбу памятника, под которой понималось влияние произведения на общество и место в русской литературе, от его исторического значения. Критерием невключения литературных произведений, содержащих автобиографическую информацию, в состав мемуарных памятников являлось наличие выдуманных персонажей или выдуманных событий, а также ситуации, при которых для определения «автобиографических реалий» ученым пришлось бы проводить длительное литературоведческое изучение памятника. При этом в издание были помещены воспоминания, в которых личность автора была заменена рассказчиком или же выдуманным лирическим героем, но сами события оставались автобиографичными. Вторым направлением исследования стал поиск воспоминаний в письмах, научных трудах и научно-популярных произведениях. В этом случае критерием выделения памятников составители выбрали его целевое назначение — потребность автора оставить воспоминания была сильнее других исследовательских или профессиональных задач. При работе с делопроизводственными документами, к примеру, служебными автобиографиями, авторы использовали только информативные памятники, выходящие за рамки типичного для этих источников сухого формуляра. Таким образом, среди многообразия источников из группы «воспоминаний» С.В. Житомирская предложила остановиться на выделении следующих жанровых форм: 1) «воспоминаний» — произведений, посвященных конкретному периоду в жизни автора, людям или событиям; 2) «автобиографических записок» — памятников, создававшихся автором с замыслом описать весь жизненный путь, «подвести итоги»; 3) «автобиографий» — кратких сведений автора о своей жизни — и «автобиографических очерков» — больших по объему автобиографических произведений; 4) биографий и некрологов — в том случае, когда они основаны на личном опыте знакомства автора с героями произведений, а не на компиляции различных источников; 5) стенографических и протокольных записей — в случае, когда текст памятника подготовлен не самим автором и предоставлен протоколистам, а записан третьим лицом со слуха; 6) «литературных записей» — С.В. Житомирская

призывает относиться к этому жанру как двухслойному памятнику, при составлении каталога коллектив ученых обязательно указывал имя рассказчика и имя человека, фиксирующего материал. Анализируя мемуарные источники дневниковой группы, составитель отметила их многообразие, но предложила разделить их на два вида — дневники и путевые заметки. В заключении обзора она уделила внимание еще одному источнику личного происхождения — письмам, которые часто содержат воспоминания адресанта о каком-либо человеке и событии. Тем не менее С.В. Житомирская пришла к выводу, что комплексно выявить и проанализировать воспоминания среди колоссальных объемов личной переписки людей XVIII–XX вв. не представляется возможным.

Таким образом, С.В. Житомирская впервые систематизировала мемуарные источники на основании собственного опыта по поиску и описанию неопубликованных материалов. Она подчеркнула, что представленная систематизация — результат частных представлений исследователя, полученных путем практической работы с документами. По ее мнению, только введение в научный оборот большей части архивного материала позволит сделать качественный скачок в решении вопроса о классификации мемуарной литературы.

Оригинальный взгляд на систематизацию мемуаров в тот период высказала С.С. Минц. Она не посвятила этому вопросу специального исследования, однако, отвергнув все существующие «универсальные» классификации», высказала идею о разных видах мемуаров, согласно ее концепции эволюции мемуарного жанра. По мнению исследовательницы, для времени становления русских мемуаров (XVIII – начало XIX вв.) памятники отражали «канонические» традиции житийной литературы: художественность, полемичность, а «дневники столь же мало походили на привычные нам дневниковые записи, как романы в письмах на частную переписку» [50, с. 65]. С середины XIX в., когда личность начала осознавать «собственную включенность в некие социальные общности», в русской культуре начал складываться современный жанр дневника — сухого, лаконичного и делового источника. С 1780-х гг. к этому жанру обратились новые слои русского общества, а сами памятники стали элементом публицистики, выражавшей борьбу населения за политические свободы. Данная ситуация привела к изменению мемуарных источников — вместо литературных «жизнеописа-

ний» распространение получили «мелкие формы — тематические, фрагментарные описания, извлечения, подборки и пр.» [50, с. 67]. С 1917 г. и особенно после Великой Отечественной войны советские люди осознали общественное значение собственных воспоминаний, их важную воспитательную и классовую функцию, что привело к увеличению числа произведений и необходимости их сбора и обработки. В тот период развитие получили новые мемуарные формы — литературные и стенографические записи, воспоминания-анкеты. Согласно выводам С.С. Минц, на каждом этапе существования мемуарных источников их формы качественно менялись, поэтому критерием систематизации мемуаров может быть только степень осознания автором «межличностных связей» и отражения в них «объективных процессов развития общества» [50, с. 70].

С 1970-х гг. начали выходить многочисленные труды одного из крупнейших специалистов по истории русской мемуаристики А.Г. Тартаковского. В ранних работах, посвященных истории мемуаров о событиях Отечественной войны 1812 г., ученый определил основные признаки мемуарных источников: личностно-субъективное начало (повествование «через призму индивидуального восприятия автора» [62, с. 27]), ретроспективность (описание событий через большой промежуток времени, позволяющий автору обдумать произошедшее и иногда поменять свой взгляд на него), память (избирательность памяти каждого конкретного человека о событиях). По мнению автора, несмотря на сложность жанровой природы мемуаров, использование выявленных им критериев позволяет отделить мемуарные памятники от других источников личного происхождения, таких как письма и дневники. А.Г. Тартаковский критически отнесся к выводам ряда ученых о «стирании различий» между дневниками и мемуарами и о взгляде на дневники как первичную форму мемуарной литературы за исключением тех случаев, когда «в учебных, библиографических и архивных пособиях» термины «мемуарная литература» и «мемуарные источники» используются «в качестве собирательного понятия для обозначения воспоминаний и дневников» [62, с. 35]. По мнению А.Г. Тартаковского, несмотря на важность дневников как материала для изучения исторического самосознания личности, они не удовлетворяют ни одному из выявленных автором критериев: дневниковые записи часто не имеют четкой структуры и внутреннего единства (не осмысливаются автором как цельное произведение), создают-

ся через небольшой промежуток времени после случившегося события под эмоциональным впечатлением от него (средством воссоздания является «непосредственное воспроизведение» события, а не память), имеют другие функции. Смежные формы данных исторических источников А.Г. Тартаковский считал исключением, отметив, что в большинстве случаев можно точно установить, когда дневник превращается в «мемуарную запись» или же становится целым «мемуарным трудом», а когда преобразуется в «ретроспективно обработанный дневник» — «особый тип исторического повествования» [62, с. 39]. Описывая источниковую базу исследования, автор выделил несколько форм мемуарной литературы. Помимо воспоминаний, он отметил и проанализировал «мемуарную запись» — воспроизведение рассказа человека третьим лицом⁷. По мнению исследователя, «мемуарная запись» должна быть отнесена к мемуарным источникам и часто содержит такую же полную информацию без существенного влияния лица, ее зафиксировавшего. Тем не менее для данного источника характерна его «двойственность» — под запись память рассказчика концентрируется на одних моментах вместо других, а технические возможности XVIII–XIX вв. часто не позволяли точно передать авторский текст. Вслед за Е.Г. Бушканцом и С.В. Житомирской А.Г. Тартаковский отметил наличие мемуарных фрагментов в составе немемуарных источников⁸. В работе он привлек памятники частной переписки, содержащие воспоминания участников Отечественной войны 1812 г., как написанные под впечатлением только что произошедших событий, так и созданные по истечении длительного времени. По мнению А.Г. Тартаковского, в исключительных случаях к мемуарным источникам можно причислить документы официального делопроизводства, возникшие по «личной инициативе автора и по каким-то особым поводам» (донесение о произошедших событиях, написание автобиографии с целью добиться новой должности, оправдательная записка), в которых присутствует свободное волеизъявление автора и подробное описание ситуаций, свидетелем которых он был. Еще одним источником, относящимся к мемуарной литературе, автор считал историко-критические труды ученых и публици-

7 В тексте А.Г. Тартаковский чаще использовал термин «мемуарная запись», чем «литературная запись». По мнению автора, для последней характерна большая художественная переработка текста профессиональным писателем.

8 А.Г. Тартаковский отметил, что мемуарные памятники, созданные в форме «письма», «дневника» и т. д., но ими не являющиеся, необходимо относить к группе воспоминаний.

стов, посвященные какому-либо человеку или эпизодам из жизни. По его мнению, такие памятники могут быть признаны мемуарными только в том случае, если основным источником информации о событии являются собственные воспоминания автора, а сам «критический разбор состоит не из разрозненных припоминаний, а из тематически или сюжетно законченных в пределах данного дискретного отрывка описаний личностно-памятного свойства» [62, с. 77]. В завершении источниковедческого обзора А.Г. Тартаковский указал на наличие некоторых источников, не попадающих под описанные выше формы, — различного вида писем, записок, документов, очерков, брошюр, составленных под впечатлением от пережитых событий и несущих различные функции (эпистолярную, публицистическую, пропагандистскую и т. д.), но уже содержащих ретроспективный взгляд создателей на произошедшие события. Для данной группы источников А.Г. Тартаковский вслед за А.А. Курновым использовал термин «протомемуары» [62, с. 87].

В дальнейших работах взгляды А.Г. Тартаковского на проблему разделения мемуарных источников изменились. В монографии «Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.: От рукописи к книге» ученый применил термин «мемуаристика», объединивший два родственных источника: дневники и воспоминания («мемуары» в узком смысле слова), где первые представляли собой «простейшую форму запечатления личностью опыта своего участия в исторической жизни», а вторые являются «более сложной и развитой формой мемуарной культуры» [63, с. 8]⁹. Таким образом, автор отказался от собственных выводов о невключении в понятие мемуарной литературы дневников, высказанных им ранее. По-видимому, данное решение было связано с определением нового критерия мемуарных источников — эволюции выражения «исторического самосознания личности». Для изучения изменения мемуаров XVIII – первой половины XIX вв. автор сгруппировал их в таблицы по времени появления и социальному происхождению их создателей. А.Г. Тартаковский также разделил все исследованные памятники, согласно их «целевой установке» (для какого круга людей они создавались и какой объем информации они содержали)

9 А.Г. Тартаковский полагал, что такие источники, как путешествия и путевые заметки, похожи на дневники по форме, однако цель их создания иная, поэтому автор не считает их частью мемуарной литературы.

и привязал данную систематизацию к выводам об участии представителей того или иного сословия в создании памятников [63, с. 25]. Ученому удалось установить следующие типы мемуарных источников рассматриваемого периода¹⁰: 1) повествования, «внешнесобытийные» по отношению к личности автора — разнообразные описания мемуаристами конкретных исторических событий, эпизодов из жизни, биографий известных людей, отрывочные записи об увиденном — в эту группу мемуарных источников, по мнению А.Г. Тартаковского, попадает также большая часть дневников; 2) «мемуарные автобиографии» — произведения, охватывающие большую часть жизненного пути мемуаристов и созданные ими с целью запечатлеть «опыт своего участия в историческом бытии, реализовать достигнутый <...> уровень исторического самосознания» [63, с. 37]¹¹; 3) мемуарные жизнеописания «летописного» типа — воспоминания, выполненные в «летописной», «погодной» форме, содержащие дискретно-аналитические записи (часто дневникового характера) о внешних обстоятельствах жизни автора (происхождении, службе, семейных и исторических событиях); 4) воспоминания в виде «рассказа автора о самом себе и своих близких» [63, с. 61] — произведения, появившиеся в русской культуре в 60–70-е гг. XVIII в. и представляющие собой свободное повествование автора о его жизни, происходящих с ним событиях и окружающих его лицах, независимое от строгих хронологических рамок и канонов жанра — свободное авторское повествование. На рубеже XVIII – первой половины XIX в. указанные А.Г. Тартаковским виды мемуарной литературы претерпели изменения в форме и содержании, так как их авторы стали делать акцент на прижизненную публикацию, однако качественное деление сохранялось. Данная позиция А.Г. Тартаковского относительно вопроса о систематизации мемуарных источников наблюдается и в последней монографии автора [64].

Вслед за С.В. Житомирской, А.Г. Тартаковским и С.С. Минц в работах исследователей 1980–1990-х гг. наблюдается отказ от создания жесткой системы деления мемуарных источников на жанры. В литературоведческом

¹⁰ В работе А.Г. Тартаковский не предложил жесткой системы деления, а, скорее, выделил наиболее распространенные виды.

¹¹ Проанализировав сохранившиеся «мемуарные автобиографии», А.Г. Тартаковский выделил среди них «автобиографические заметки» — служебные документы автобиографического характера. В отличие от предыдущего исследования мемуаров, посвященных 1812 г., ученый решил не включать их в состав мемуарных источников.

очерке Г.Г. Елизаветиной, посвященном особенностям западноевропейского и русского классицизма, рассмотрено развитие мемуарного жанра в русской культуре XVII–XVIII вв. Автор отметила, что «сохранившиеся [памятники] являют собой пеструю картину: дневники, мемуары, путешествия, автобиографии», их различия теоретически не обоснованы, многие материалы не дошли до настоящего времени, поэтому выделить четкие критерии мемуарного жанра в рассматриваемый период и систематизировать данные произведения чрезвычайно сложно [16, с. 235–236]. Г.Г. Елизаветина намеренно отказалась от разделения мемуарной литературы на виды и использовала нейтральный термин «записки», так как в XVIII в. «им обозначались и мемуары, и автобиографии, и даже дневники» [16, с. 236]. Единственный, по мнению исследовательницы, критерий, который позволяет отнести произведение к памятникам мемуарной литературы, — это стремление его создателя «рассказывать о себе, о том, что он сам видел и пережил» [16, с. 237].

Многообразие жанровых форм мемуарной литературы XVII–XX вв. отметил Л.Я. Гаранин [9]¹². По его мнению, в процессе эволюции мемуарных источников составить их классификацию не представляется возможным. В доказательство этого вывода ученый привел концепцию Ю.Н. Тынянова о «смещении» жанра, его динамичности в течение времени. По мнению Л.Я. Гаранина, в разные периоды развития русской культуры те или иные произведения («записки», «письма другу», «разговоры “милых дам”» и т. д.) должны рассматриваться как мемуарные памятники в зависимости от их литературности и степени исторического самосознания автора. Так, для XVII в. «полумемуарные, полулетописные произведения <...> выходят на историческую арену» и становятся на непродолжительное время отдельными жанрами мемуарной литературы, а «письмо», в XVIII в. являвшееся только формой бытовой коммуникации, на рубеже XVIII–XIX вв. превращается в литературный жанр [9, с. 57–58]. На основании данных выводов Л.Я. Гаранин видел перспективы исследования многочисленных произведений мемуарного жанра не в изучении их форм, а в анализе функций (исторических, общественных, литературных) на каждом из этапов развития.

Проблемам изучения мемуарных произведений XVIII в. как источников по истории русского крестьянства посвящены несколько глав канди-

¹² В монографии Л.Я. Гаранин часто употребляет термины «жанр» и «литературная форма» как синонимичные.

датской диссертации А.Б. Изюмского [28]. Ученый согласился с позицией «большинства специалистов» о необходимости разделить мемуары и дневники, так как методы их анализа различаются, а критерием мемуарного жанра является в первую очередь ретроспективное отражение событий, отсутствующее в дневниках. Всю совокупность проанализированных в диссертации памятников автор охарактеризовал как «мемуарно-дневниковые источники» [28, с. 5]. Тем не менее, согласно наблюдениям ученого, «на протяжении XVIII столетия четкая грань между воспоминаниями и дневниками нередко отсутствует», а образцами для мемуаров зачастую служили официальные документы, помесячные или подневные записи, обработанные дневники и т. д. [28, с. 6]. По этой причине А.Б. Изюмский вслед за Г.Г. Елизаветиной предложил обозначить подобные документы личного происхождения термином «записки» [28, с. 7–8]. Их состав автор расширил за счет путевых заметок частных лиц и воспоминаний участников научных экспедиций [28, с. 16].

Говоря об исторических и литературоведческих исследованиях 1980–1990-х гг., следует указать, что наибольшее распространение в них получили взгляды А.Г. Тартаковского. На основании идеи последнего о необходимости определения «целевой установки» авторов мемуаров для их систематизации, М.А. Крюčkова предложила свою классификацию мемуарных памятников XVIII в. [36]¹³. Она рассмотрела традицию создания мемуарных произведений XVIII в. как результат стремления их авторов «вывести из текучего состояния, опредметить», зафиксировать проходящее время, оставить о нем память, выраженную в письменной форме [36, с. 18]¹⁴. По мнению М.А. Крючковой, мемуары XVIII в. — это «форма памяти», следовательно, исследователи в первую очередь должны определить цель составления мемуаров их авторами. В статье среди памятников мемуарного характера рассматриваемой эпохи М.А. Крюčkова выделила следующие группы: 1) мемуары-«истории» — произведения, в которых создатели стремились запечатлеть всю историческую действительность и претендовали на «истинность» и «историческую достоверность» рассказа, тем самым

13 По-видимому, М.А. Крюčkова не включала дневники в состав памятников мемуарной литературы.

14 М.А. Крюčkова отметила, что это стремление людей XVIII в. проявлялось и в других формах искусства: архитектуре, скульптуре и т. д.

оправдывая свое желание описать прошлое «исторической значимостью» труда; 2) «назидательно-морализующие» произведения — в данных памятниках авторы хотели на своем примере научить детей и потомков, дать им образец для подражания; частный случай — разнообразные «поучительные примеры» и «уроки»; 3) «воспоминания»¹⁵ — создавались вследствие желания автора «припомнить» что-либо, составлялись исключительно для автора или ограниченного круга людей; 4) «деяния» — повествования об общественной жизни личности, «публичная история» преимущественно важных государственных лиц; 5) исповеди — главной целью являлось стремление автора проанализировать собственный внутренний мир; 6) «похождения», «приключения», «путевые заметки» — памятники, создававшиеся для определенной читательской аудитории с целью, с одной стороны, рассказать историю, а с другой — заинтересовать читателя авантурными приключениями; 7) «письма» — по цели создания данные произведения напоминают мемуары-«истории», однако форма письма позволяла авторам уйти от «пафоса» крупных мемуарных произведений и назидательной функции. Важными особенностями всех перечисленных разновидностей мемуарной литературы М.А. Крючкова считала энциклопедизм и «стремление к уединению» [36, с. 26–27]. Составители мемуаров и дневников¹⁶ XVIII в. включали в труды все известные им события, так как, по мнению авторов записок, «имея перед глазами “все факты”, они смогут постичь “сцепление причин”, а следовательно, объяснить повороты своей судьбы» и определить причинно-следственные связи в истории [36, с. 26]. По мнению исследовательницы, в XVIII в. многие мемуаристы испытывали тягу к «уединенному времяпровождению», — с одной стороны, модной форме досуга, с другой — философской потребности. Для многих образованных людей рассматриваемого периода это желание было реализовано в создании мемуаров. Проанализировав мемуарные источники XVIII в., М.А. Крючкова пришла к выводу, что «мемуаристы <...> отнюдь не стремились ввести свои произведения в жесткие априорно данные формальные рамки» [36, с. 28]. Напротив, ввиду окончательно не сформировавшегося мемуарного жанра

15 М.А. Крючкова, анализируя памятники XVIII в., пришла к выводу, что современники различали понятия «мемуары» и «воспоминания», считая последние более «камерным» и менее требовательным к автору жанром.

16 В данном месте исследовательница использует термин «дневник».

в тот период и отсутствия у авторов образцов, последние вынуждены были самостоятельно «изобретать» форму и структуру своего произведения. Тем не менее М.А. Крючковой удалось сгруппировать многообразные мемуарные памятники XVIII в. по «полюсам» — жанрам, в которых «выражение получили мотивы, цели, ситуации создания мемуаров, поведенческие установки и эстетические ориентации их авторов» [36, с. 28].

В то же время к вопросу о жанровом разнообразии мемуарных источников XVII–XVIII вв. обратилась А.Е. Чекунова, посвятив его рассмотрению специальную монографию [68]. Во введении исследовательница обратила внимание на историографическую дискуссию по проблеме о включении тех или иных источников личного происхождения в состав мемуарных. Она подчеркнула близость мемуаров и дневников, а также их связь с художественной литературой и историческими исследованиями. Тем не менее, по мнению А.Е. Чекуновой, к «мемуарам» — «повествованию о прошлом, основанному на личном опыте и собственной памяти автора», — необходимо отнести только биографии, автобиографии, а также «повествования о прошлом», имеющие разнообразные самоназвания. Исследовательница также пришла к выводу о неразработанности систем классификации мемуарных памятников и на многочисленных примерах показала влияние на произведения XVIII в. других исторических источников — летописей, статейных списков и прочих официальных документов. А.Е. Чекунова разделила мемуарные памятники XVIII в. по форме: 1) летописно-дневниковые (краткие или пространные статьи по годам / месяцам / дням); 2) воспоминания в форме делопроизводственных доношений и отписок; 3) биографии и автобиографии, существовавшие в XVIII в. под разнообразными самоназваниями; 4) записи устных воспоминаний («анекдоты», «сказания», «достопамятные речи» и т. д.); 5) мемуары, выполненные в эпистолярной форме. Вслед за предшественниками А.Е. Чекунова показала отсутствие у мемуаристов XVIII в. сложившихся традиций и образцов мемуарной литературы. Исследовательница отметила, что нередко тот или иной памятник невозможно отнести к одной литературной форме, так как автор в процессе создания произведения мог свободно переходить, к примеру, от воспоминаний к дневниковым записям.

Таким образом, с конца 1970-х гг. исследователями на основании традиционных источниковедческих и литературоведческих методов были

созданы работы, посвященные анализу мемуарных источников в целом и проблеме их систематизации в частности. В отличие от предшественников, объектом исследования многих специалистов стали опубликованные и неопубликованные материалы XVIII – начала XIX в. Разнообразие рассматриваемых источников привело к постепенному отказу ученых от их классификации «по форме» — большинство историков и литературоведов отмечало многообразие форм мемуарных произведений и сложность их разделения. Общим направлением исследований стал поиск новых критериев систематизации — такие ученые, как А.Г. Тартаковский, С.В. Житомирская, С.С. Минц, А.Е. Чекунова и другие, предложили свои оригинальные концепции разделения мемуарных памятников по содержанию, цели создания, личности автора и отражению ее самосознания в произведениях. При этом многие вопросы, касающиеся границ жанра мемуарной литературы и других источников (делопроизводственных, публицистических, эпистолярных и т. д.), а также определения дневников как вида мемуарных произведений, остались дискуссионными. С середины 1990-х гг. в классических исследованиях, посвященных мемуарным источникам, в вопросе систематизации специалисты предпочитают апеллировать к концепциям А.Г. Тартаковского и других ученых или вовсе отказываются от попыток как-либо систематизировать рассматриваемые памятники¹⁷.

Последние два десятилетия обозначены широким распространением «новой парадигмы» в гуманитарных направлениях и, как следствие, появлением междисциплинарных исследований. Новые подходы в истории и литературоведении оказали большое влияние на проблемы изучения мемуарной литературы. Несмотря на то что специалисты в рамках данного направления не создали работ, которые бы обобщили их наблюдения над мемуарным жанром в целом, во многих исследованиях разной степени тщательности и направленности появились теоретические выводы по вопросу о разновидностях автобиографических текстов. На наш взгляд, среди современных работ «новой парадигмы» в изучении памятников мемуарного характера наметились два вектора. С одной стороны, это обобщение разнообразных произведений и отказ от их формального деления по жанровому признаку. Исследователи

17 Такой подход обнаруживается, к примеру, в докторской диссертации А.В. Антюхова [3], статьях Г.Н. Вульфсона [7], Л.В. Кипнес и Е.О. Сервие [33].

анализируют все тексты с личностным началом — от летописей и агиографических памятников до материалов судебно-следственного процесса. В рамках данного направления проблема систематизации памятников не поднимается, а ученые делают акцент на личности автора и ее выражении в тексте.

Образцом такого подхода являются работы В.Г. Безрогова в проблемном поле исторической памяти [5]. Предмет своего исследования — автобиографию — автор определяет как «историко-биографический текст, соединяющий объяснение и оправдание» [5, с. 5]. Этот термин позволил ему включить в понятие «автобиографическое письмо» различные виды памятников: автобиографии, письма, дневники, устные рассказы о жизни [5, с. 10]. Тем не менее автор подчеркнул разницу между биографом и автобиографом. По его мнению, долгий путь формирования автобиографического жанра (начиная с поздней Античности) не позволяет дать его точного определения. Не представив четкой систематизации для ранних русских автобиографических произведений, В.Г. Безрогов предложил в качестве особых автобиографических жанров выделить духовные автобиографии и семейные хроники — домашние летописи, в которые заносились погодные записи, службы, сведения о браках и смертях [5, с. 17].

Данный подход также представлен в цикле работ Ю.П. Зарецкого, одна из которых посвящена классификации автобиографической литературы XVIII в. [23]. По замечанию автора, рассказы о жизни обыкновенного человека малоизвестны, многие до сих пор остаются неопубликованными. Анализируя автобиографические памятники XVIII в., исследователь столкнулся с их разнообразием по форме, размеру, стилю и содержанию [23, с. 106]. Ю.П. Зарецкий отверг литературоведческую классификацию по жанру (автобиография, дневник, мемуары, письма, путевые заметки) и по социальной принадлежности автора. По его мнению, классический подход «не принимает в расчет огромный массив сочинений, не обладающих значимой литературно-эстетической ценностью» [23, с. 106]. Опираясь на новейшие западноевропейские концепции, в частности, идею Г. Янке об автобиографических текстах как «специфических коммуникативных актах», Ю.П. Зарецкий рассмотрел мемуары как социальные практики. На основании данного подхода к понятию «автобиографические тексты» ученый отнес следующие источники: дневники, мемуары, автобиографиче-

ские «сказки», наставления глав семейств, письменные свидетельства очевидцев о важных событиях, описания своего жизненного пути духовными лицами, завещания-уставы основателей монастырей, «записные книжки» помещиков, в которых хозяйственные статьи пересекаются с семейными хрониками [23, с. 109–110].

Проблема систематизации мемуарных источников в контексте новых исторических методов рассмотрена в специальном разделе учебного пособия по источниковедению РГГУ, подготовленном М.Ф. Румянцевой [59]. Исследовательница предложила объединить в понятие источников личного происхождения дневники, частную переписку, мемуары-автобиографии, а также эссеистику и исповеди. Классификация, предлагаемая М.Ф. Румянцевой, основана на «направленности коммуникационных связей»: ей выделены автокоммуникативные тексты (дневники) и произведения межличностной коммуникации, содержащие фиксированного адресата (письма) и неопределенного (мемуары) [59, с. 466–468]. Автор также подчеркнула типологические различия между мемуарами-автобиографиями и мемуарами о событиях.

Элементы данного подхода обнаруживаются в новейшем учебном пособии СПбГУ по источниковедению. Е.Д. Твердюкова выделила среди источников личного происхождения мемуары (воспоминания), автобиографии, дневники и частную переписку [65]. Критерием для разграничения, по ее мнению, является целевое назначение памятников и способы их воспроизведения. Так, применительно к мемуарным произведениям автор вводит их деление на спонтанные и провоцируемые [65, с. 289–301].

Вторым направлением в изучении мемуарной литературы в рамках «новой парадигмы» стала концентрация на ее отдельных разновидностях как по общности авторов (социальной, возрастной, гендерной, профессиональной и т. д.), так и по жанровой принадлежности. В работах данного направления проанализированы особенности выбранной группы источников, однако обобщений в масштабах мемуаристики в целом не производится. Систематизация, предлагаемая исследователями для изучаемых ими разновидностей, существенно отличается от предложенной сторонниками традиционного подхода.

В контексте данного направления наибольшее внимание специалисты уделяют дневникам. В новейших работах, основанных на междисци-

плинарных методах, ученые рассматривают дневники как эго-тексты, анализируют степень отражения в них личности автора, изучают дневники как повседневные практики, коммуникативные акты, форму авторской саморефлексии и т. д. Среди последних исследований следует отметить статью А.Н. Алексеева, рассмотревшего функции дневников и их смысловое назначение [2]. Не отделяя памятники предшествующих эпох от современных, исследователь отметил несколько «форм и воплощений дневниковой практики»: «дневник души» (дневник в классическом понимании, служащий для общения автора с самим собой), «дневник духа» («творческая лаборатория» автора) и «дневник факта» (направленный на описание внешних событий) [2, с. 52]. Автор сделал важные замечания о предназначении разных форм дневников, а также о их месте в автобиографическом повествовании в целом.

Разновидностям дневников, особенностям их изучения и анализу отдельных памятников в контексте эпохи посвящено монографическое исследование М.Ю. Михеева [52]. Автор подробно рассмотрел структуру дневников, определив многие из них как «пред-тексты» — незаконченные произведения, к которым авторы собирались вернуться, и «эго-тексты» — законченные произведения, в центре которых находится жизненный путь составителя, а текст излагается с субъективной авторской позиции. В последнем случае дневники сближаются с мемуарной литературой. М.Ю. Михеев также проанализировал основные особенности современных дневников и пришел к выводу, что разнообразные сочинения XVIII–XIX вв. не обладают указанными признаками. Для источников этого периода он предложил новое понятие — «дневниковый текст».

Статья Л.Н. Летягина посвящена дневнику как литературному жанру и его «фоновым явлениям» [41]. Рассмотрев дневник как маргинальный жанр, исследователь уделил особое внимание его формам и функциям. Предназначение этого источника автор видит в запечатлении личной памяти составителя. Таким образом, дневник фиксирует «длящееся настоящее» и становится письмом самому себе.

Теоретические аспекты изучения жанра дневника представлены в статье А.С. Рейнгольда [57]. Проанализировав литературу, касающуюся определения понятия «жанр», автор пришел к выводу, что «дневник <...> принадлежит, скорее всего, к пограничным, или синкретичным жанрам. Он

представляет собой эпическую жанровую форму с элементами лирического повествования» [57, с. 120]. По мнению исследователя, главная черта дневниковых форм — повествование от первого лица в виде поденных записей. А.С. Рейнгольд подробно проанализировал разновидности дневников: классические, путевые, военные, дневники-записи реальных бесед и т. д., а также отметил разницу между художественным произведением, написанным в форме дневника (литературный текст, создаваемый от лица вымышленного персонажа), и дневниковыми записями реально существовавших людей [57, с. 121].

Новым тематическим направлением в контексте автобиографических исследований стало изучение литературы путешествий. В последние десятилетия для ее обозначения в научной литературе стал использоваться термин травелог. В работах Е.Г. Милюгиной и М.В. Строгановой «травелоги» рассмотрены как документальный жанр [44–49]. Данные исследования посвящены личности авторов, соотношению документальности и вымысла в текстах памятников, а также месту данных источников в системе документов личного происхождения. В ранних работах исследователи предложили типологию травелогов в зависимости от целевой установки путешественника. В последних трудах авторы отказались от данной концепции и пришли к выводу о внутренней систематизации исходя из «степени документализма травелога как документального жанра» [48, с. 233]. А.А. Майга изучила травелог как автобиографическое сочинение в другом аспекте [42]. Исследователь отметила трудность в определении жанрового статуса, так как травелог может включать в себя различные формы — дневник, письмо, мемуары, очерк, таким образом являясь «полиморфным жанром». В отличие от Е.Г. Милюгиной и М.В. Строгановой, А.А. Майга отнесла травелог к документально-беллетристическим жанрам, поскольку «сочинение колеблется между описанием и повествованием» [42, с. 268].

Завершая обзор, необходимо обозначить еще один «неклассический» подход к систематизации мемуарной литературы, наблюдаемый в культурологических исследованиях. При его использовании ученые пытаются совместить основные достижения исторических и литературоведческих исследований и взглянуть на мемуаристику как на продукт культуры. В частности, примером могут служить работы И.Л. Сиротиной, предложившей свою схему систематизации мемуарных произведений [60; 61]. Автор вы-

делила следующие разновидности мемуарной литературы: 1) мемуары-летописи, созданные непосредственно вслед за событиями: дневники, письма, записки, путевые заметки и др.; 2) мемуары-воспоминания, созданные по прошествии некоторого времени: автобиографии, воспоминания, литературные портреты, исповеди и др.; 3) художественные мемуары, созданные отчасти по памяти, отчасти с использованием записей — как правило, они представляют собой литературно подготовленные, отредактированные, художественно оформленные произведения [61, с. 232].

Таким образом, в новейших гуманитарных исследованиях, затрагивающих проблему систематизации мемуарных произведений, можно отметить две основных особенности. С одной стороны, наблюдается отказ от попыток выделить жанровые разновидности мемуаристики и разработать новые схемы классификации и новые критерии разделения. Часть ученых рассматривает данную проблему только в историографическом ключе, соглашаясь или не соглашаясь с предложенными ранее концепциями, и фокусируется на изучении отдельных памятников или частных тематических аспектах. Специалисты, использующие новые методы гуманитарных наук помимо классического литературоведения и исторического источниковедения, стремятся расширить категорию текстов личного происхождения и ввести новые обобщающие термины для описания данной группы. Между тем попытки выделить жанры или виды памятников внутри общей классификации не предпринимаются. Другой особенностью работ новой парадигмы стало изучение отдельных жанров мемуарной литературы с использованием современных исторических, литературоведческих и междисциплинарных методов. В рамках этого подхода ученые разрабатывают критерии разделения и анализа памятников внутри конкретных видов мемуарных источников — преимущественно, дневниковых форм.

Заключение

Анализ историографии показал, что на протяжении последних ста пятидесяти лет проблема систематизации мемуарных источников решалась по-разному. До конца 1950-х гг. в научной литературе данный вопрос практически не поднимался — в общих работах, посвященных мемуарным памятникам конца XVII–XVIII вв., в категории «мемуаров» фигурировали разнообразные нарративные памятники, для обозначения которых ученые

использовали самоназвания, а принципы их выделения не рассматривались. С конца 1950-х гг. в советской науке началась дискуссия о границах жанра мемуарной литературы — для обозначения данной группы памятников исследователи предлагали использовать различные обобщающие термины, разработали авторские классификации источников мемуарного жанра на основании их формы. Одной из наиболее дискуссионных стала проблема включения в понятие мемуарных источников памятников дневниковых форм — по данному вопросу в научной литературе были высказаны противоположенные суждения. Представленные в конце 50 – середине 70-х гг. XX в. схемы были основаны преимущественно на анализе опубликованных мемуаров Советского периода. Отсутствие в науке единой выработанной классификации мемуарных памятников отразилось, в частности, в учебном пособии по источниковедению истории СССР, в котором в разных главах ведущие ученые представили свое видение проблемы.

Новый этап в исследовании вопроса о систематизации произведений мемуарной литературы начался с конца 1970-х гг. Ученые рассмотрели существующие концепции и пришли к выводу, что «жесткие» схемы разделения мемуарных памятников были обусловлены невниманием предшественников к многообразию неопубликованных материалов различных периодов. С одной стороны, такие специалисты, как А.Г. Тартаковский, С.С. Минц и их последователи, старались разработать новые критерии границ мемуарного жанра и видов мемуарных памятников и составить схемы, объединившие бы все многообразие опубликованных и неопубликованных источников. Исследователи подчеркивали сложность разделения мемуаров на группы и часто из практических соображений включали в свои исследования памятники, находящиеся на границе жанра и имеющие автобиографическую или биографическую информацию. Другое направление исследования было выбрано учеными, специализирующимися на описании и изучении неопубликованных рукописных памятников и составлении каталогов. Последние стремились включить в работы наибольшее число нарративных источников, руководствуясь не столько теоретическими, сколько практическими представлениями о границах автобиографического жанра. Единственной обобщающей работой, посвященной критериям отбора, стала статья С.В. Житомирской. Рассмотрев методику описаний рукописных памятников, исследовательница пришла к выводу, что строгие схемы клас-

сификации источников не подходят для грандиозной массы рукописного мемуарного материала в библиотеках и архивохранилищах, а любая систематизация возможна только после введения в научный оборот большей части документов.

Анализ историографии последних десятилетий позволил отметить несколько особенностей. С одной стороны, в современной научной литературе наблюдается спад интереса к созданию обобщающих исследований, посвященных теоретическим проблемам изучения мемуарных памятников — в частности, к проблеме их систематизации. В работах, выполненных с использованием традиционной для исторических и литературоведческих исследований методологии, преимущественно применяются схемы, разработанные А.Г. Тартаковским и другими учеными во второй половине XX в. Нередко упоминание данной проблемы в работах становится лишь «историографической формальностью». Иная картина наблюдается при рассмотрении трудов, основанных на междисциплинарных методах и выполненных в категориях постмодернистской парадигмы. В них понятие «мемуарная литература» применяется редко, так как границы автобиографического жанра признаются размытыми, а в понятия «автобиографические тексты» и «эго-документы» может быть включен практически любой нарративный источник. По этой причине исследования «новой парадигмы» фокусируются на изучении конкретного текста или группы памятников (к примеру, дневников) и разрабатывают новые подходы к их анализу. Таким образом, несмотря на наличие разнообразных работ, посвященных мемуарным памятникам, необходимо признать, что в современной научной литературе дискуссия о проблеме систематизации мемуарно-дневниковых произведений прекратилась — ученые, использующие противоположные научные подходы и анализирующие отличающиеся памятники, существуют в разном проблемном поле и зачастую не вступают в совместную дискуссию и не используют наработки друг друга.

Проведенный анализ научных направлений в изучении ранней русской мемуаристики позволяет говорить о необходимости комплексного исследования истории формирования и становления жанров мемуарной литературы и автобиографических записей в рукописной культуре второй половины XVII–XVIII вв. Несмотря на то что тема исследована во многих аспектах, а количество вводимых в научный оборот и публикуемых памят-

ников растет год от года, на сегодняшний момент не существует ни одного труда, включающего исчерпывающий обзор и анализ дискуссионных проблем в изучении формирования и развития раннего этапа русской мемуарной литературы. Обращение к проблеме систематизации в историографии продемонстрировало необходимость дальнейшего изучения узловых проблем в исследовании мемуарной литературы. Без обобщения накопленного предшественниками опыта и сопоставления существующих ныне подходов невозможно дальнейшее изучение данной темы. Таким образом, перспективными направлениями для создания адекватных принципов систематизации, определения границ жанра и критериев отбора мемуарных памятников, существующих в рукописной традиции, на взгляд авторов статьи, становится: 1) изучение теоретических и практических выводов ученых по различным проблемам исследования мемуаров; 2) анализ как опубликованных памятников, так и специальных работ, посвященных им; 3) поиск, исследование, источниковедческий и литературоведческий анализ и публикация корпуса автобиографических и мемуарных текстов, находящихся на сегодняшний момент в различных фондах архивохранилищ и библиотек страны.

Список литературы

Исследования

- 1 Агафонцева Е.М. К вопросу о понятийно-терминологическом аппарате работ по мемуарам // Омский научный вестник. 2006. № 7 (43). С. 224–227.
- 2 Алексеев А. Письмо, дневник, автобиография: Многообразие форм и сопряжение смыслов (теоретико-методологические заметки) // Телескоп. 2007. № 4. С. 45–56.
- 3 Антюхов А.В. Русская мемуарно-автобиографическая литература XVIII века: (Генезис, жанрово-видовое многообразие, поэтика): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001. 34 с.
- 4 Безрогов В.Г. Историческое осмысление персонального опыта в автобиографии // Формы исторического сознания от поздней Античности до Эпохи Возрождения (исследования и тексты): Сб. науч. трудов памяти К.Д. Авдеевой. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2000. С. 130–174.
- 5 Безрогов В.Г. Память текста: автобиографии и общий опыт коллективной памяти // Сотворение истории: Человек. Память. Текст: Цикл лекций. Казань: Мастер Лайн, 2001. С. 5–38.

- 6 *Белявский М.Т.* Глава 17. Мемуары, дневники и переписка // Источниковедение истории СССР / под ред. И.Д. Ковальченко. М.: Высшая школа, 1973. С. 274–284.
- 7 *Вульфсон Г.Н.* Методика работы с текстами личного происхождения // Сотворение истории: Человек. Память. Текст: Цикл лекций. Казань: Мастер Лайн, 2001. С. 104–117.
- 8 *Галиуллина Д.М.* Проблема изучения мемуаров в отечественной исторической мысли // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2006. Т. 148, № 4. С. 36–45.
- 9 *Гаранин Л.Я.* Мемуарный жанр советской литературы: Историко-теоретический очерк. Минск: Наука и техника, 1986. 222 с.
- 10 *Геннади Г.* Записки (мемуары) русских людей: Библиографические указания // Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском ун-те. 1861. Кн. 4. С. 51–76.
- 11 *Голубцов В.С.* Глава 32. Воспоминания, дневники, переписка // Источниковедение истории СССР / под ред. И.Д. Ковальченко. М.: Высшая школа, 1973. С. 522–540.
- 12 *Голубцов В.С.* Мемуары как источник по истории Советского общества. М.: Изд-во Московского ун-та, 1970. 114 с.
- 13 *Губиева Г.Э.* Этапы развития русской мемуарно-биографической литературы XVIII в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1969. 17 с.
- 14 *Деревнина Л.И.* О термине «мемуары» и классификации мемуарных источников (историография вопроса) // Вопросы архивоведения. 1963, № 4. С. 32–38.
- 15 *Дмитриев С.С.* Глава 24. Воспоминания, дневники, частная переписка // Источниковедение истории СССР / под ред. И.Д. Ковальченко. М.: Высшая школа, 1973. С. 393–414.
- 16 *Елизаветина Г.Г.* Становление жанров автобиографии и мемуаров // Русский и западноевропейский классицизм: Проза. М.: Наука, 1982. С. 235–263.
- 17 *Житомирская С.В.* Вопросы научного описания мемуарных источников // Археографический ежегодник за 1976 год. М.: Наука, 1977. С. 41–59.
- 18 *Житомирская С.В.* Предисловие // Воспоминания и дневники XVIII–XX вв.: Указатель рукописей. М.: Книга, 1976. С. 3–12.
- 19 *Зайончковский П.А.* Введение // История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: Аннотир. указатель книг и публикаций в журналах / под ред. П.А. Зайончковского. М.: Книга, 1976. Т. 1. С. 3–15.
- 20 *Зарецкий Ю.П.* Автобиографические Я от Августина до Аввакума: (Очерки истории самосознания европейского индивида). М.: ИВИ РАН, 2002. 323 с.
- 21 *Зарецкий Ю.П.* Автобиография // Российская историческая энциклопедия. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. Т. 1. С. 104–110.
- 22 *Зарецкий Ю.П.* Новые подходы к изучению свидетельств о себе в европейских исследованиях последних лет // Автор и биография, письмо и чтение: Сб. докладов междисциплинарного исследовательского семинара Факультета философии

- Национального исследовательского университета — Высшей школы экономики. М.: ВШЭ, 2013. С. 24–41.
- 23 *Зарецкий Ю.П.* Рассказы о себе в России XVIII века как социальные практики (опыт построения классификации) // *Человек*. 2016. № 6. С. 103–115.
 - 24 *Зарецкий Ю.П.* Свидетельства о себе «маленьких» людей: новые исследования голландских историков // *Человек второго плана в истории*. Ростов н/Д: Логос, 2007. Вып. 4. С. 5–19.
 - 25 *Зарецкий Ю.П.* Свидетельства о себе «маленьких» людей: новые исследования французских историков // *Cogito. Альманах истории идей*. Ростов н/Д: Логос, 2011. Вып. 5. С. 54–68.
 - 26 *Зарецкий Ю.П.* Теория литературных жанров и некоторые вопросы исторического изучения автобиографических текстов // *Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации*. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 159–173.
 - 27 *Иванова Н.Н.* Видовая и внутривидовая классификация источников личного происхождения: проблемы источниковедческого анализа // *Вестник РУДН. Сер. История России*. 2006. № 3 (7). С. 105–109.
 - 28 *Изюмский А.Б.* Записки современников как источник по истории российского крестьянства XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986. 25 с.
 - 29 *История в эго-документах: Исследования и источники* / отв. ред. Н.В. Суржикова. Екатеринбург: АСПУр, 2014. 336 с.
 - 30 *История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: Аннотир. указатель книг и публикаций в журналах* / под ред. П.А. Зайончковского. М.: Книга, 1976–1989. Т. 1–5.
 - 31 *История СССР в воспоминаниях и дневниках: (Аннотированный каталог рукописей. Конец XVIII в. – 1917 г.)* / сост. М.Я. Стецкевич. Л.: ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, 1975. Вып. 1. 260 с.
 - 32 *Кардин В.* Сегодня о вчерашнем: Мемуары и современность. М.: Воениздат, 1961. 191 с.
 - 33 *Кипнес Л.В., Сервие Е.О.* Мемуарная литература и ее коммуникативная способность // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2007. № 2 (34). С. 137–140.
 - 34 *Киреева Р.А.* Неизданный том «Опыта русской историографии» В.С. Иконникова. [Ч. 1] // *Археографический ежегодник за 1977 год*. М.: Наука, 1978. С. 326–328.
 - 35 *Киреева Р.А.* Неизданный том «Опыта русской историографии» В.С. Иконникова. [Ч. 2] // *Археографический ежегодник за 1978 год*. М.: Наука, 1979. С. 265–275.
 - 36 *Крючкова М.А.* Русская мемуаристика второй половины XVIII в. как социокультурное явление // *Вестник МГУ. Сер. 8. История*. 1994. № 1. С. 17–28.
 - 37 *Кулле Р., Бельчиков Н., Дынник В.* Мемуарная литература // *Литературная энциклопедия*. М.: ОГИЗ РСФСР, 1934. Т. 7. Стб. 131–149.

- 38 Курносое А.А. К вопросу о природе видов источников // Источниковедение отечественной истории: сб. ст. 1976. М.: Наука, 1977. С. 5–25.
- 39 Курносое А.А. Методы исследования мемуаров: Мемуары как источник по истории народного сопротивления в период Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1965. 26 с.
- 40 Лапто-Данилевский А.С. Методология истории. М.: Территория будущего, 2006. 621 с.
- 41 Летягин Л.Н. Личный дневник: самосознание жанра // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 10 (56): Общественные и гуманитарные науки. С. 56–67.
- 42 Майга А.А. Травелог как автобиографическое сочинение // Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском пространстве: Люди, тексты, практики / ред. Ю.П. Зарецкий, Е.К. Карпенко, З.В. Шушпанова. М.: Библио-Глобус, 2017. С. 267–280.
- 43 Мемуары // Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1896. Т. 19: Мекенен — Мифу-Баня. С. 70–74.
- 44 Милюгина Е.Г. Путевые эго-документы: пространство физическое и ментальное // Эго-документальное наследие российской провинции XVIII–XXI веков: проблемы выявления, хранения, изучения, публикации: сб. науч. ст. / отв. ред. Т.И. Любина. Тверь: СФК-офис, 2014. С. 200–206.
- 45 Милюгина Е.Г., Строганов М.В. Документальность травелога и способы обобщения (по материалам Тверского Верхневолжья) // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2016. Т. 158, кн. 1. С. 66–79.
- 46 Милюгина Е.Г., Строганов М.В. Личность автора-путешественника в травелог нового времени // Культура и текст. 2014. № 18 (3). С. 6–18.
- 47 Милюгина Е.Г., Строганов М.В. Принципы изучения «тверских» травелогов XVI–XX веков // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. 2011. № 3. С. 37–43.
- 48 Милюгина Е.Г., Строганов М.В. Травелог как документальный жанр. Статья первая // Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы: Коллективная монография. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. С. 231–260.
- 49 Милюгина Е.Г., Строганов М.В. Частное путешествие как биоисторический источник // Документы личного происхождения в теории и практике научных исследований / отв. ред. Н.В. Середа. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2014. С. 144–151.
- 50 Минц С.С. Об особенностях эволюции источников мемуарного характера: (К постановке проблемы) // История СССР. 1979. № 6. С. 55–70.
- 51 Минцлов С.Р. Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России и напечатанных на русском языке. Новгород: Губернская тип., 1911–1912. Вып. 1–5.
- 52 Михеев М. Дневник в России XIX–XX века — эго-текст, или пред-текст. М.: [б.и.], 2006. 217 с.

- 53 *Пекарский П.П.* Русские мемуары XVIII века // Современник. 1855. № 4. С. 53–90; № 5–6. С. 29–62; № 7–8. С. 63–120.
- 54 *Приймак Н.И., Валегина К.О.* Мемуары, дневники, письма как исторический источник: учеб. пособие. СПб.: Лема, 2018. 69 с.
- 55 *Пушкарев Л.Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М: Наука, 1975. 281 с.
- 56 *[Пыляев М.И.]* Записки русских людей // Исторический вестник. 1890. № 1, Смесь. С. 232–234.
- 57 *Рейнгольд А.С.* Жанровые особенности литературного дневника и дневник как нелитературный текст // Вестник РГГУ. 2010. № 11. С. 118–129.
- 58 *Рошаль Л.М.* К методике составления каталогов мемуаров и дневников // Труды Московского государственного историко-архивного института. 1961. Т. 16. С. 267–280.
- 59 *Румянцева М.Ф.* Источники личного происхождения // *Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф.* Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие для гуманитарных специальностей. М.: РГГУ, 2004. С. 466–488.
- 60 *Сиротина И.Л.* Культурологический потенциал мемуарного источника: поиски новой парадигмы // Метафизика исповеди. Пространство и время исповедально-го слова: Материалы международной конференции (Санкт-Петербург, 26–27 мая 1997 г.). СПб.: Изд-во Ин-та человека РАН (СПб Отделение), 1997. С. 78–84.
- 61 *Сиротина И.Л.* Культурологическое источниковедение: проблема мемуаристики // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века: Материалы международной научной конференции. 18 мая 2001 г. Санкт-Петербург: К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана. СПб.: С.-Петерб. филос. о-во, 2001. С. 226–232.
- 62 *Тартаковский А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика: Опыт источниковедческого изучения. М.: Наука, 1980. 312 с.
- 63 *Тартаковский А.Г.* Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.: От рукописи к книге. М.: Наука, 1991. 286 с.
- 64 *Тартаковский А.Г.* Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века. М.: Археографический центр, 1997. 356 с.
- 65 *Твердюкова Е.Д.* Источники личного происхождения // Источниковедение: учебник для академического бакалавриата / под ред. А.В. Сиренова. М.: Юрайт, 2018. С. 289–305.
- 66 *Тихомиров М.Н.* Глава 18. Мемуарная литература XVIII в. // Источниковедение истории СССР. М.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1940. Т. 1: С древнейших времен до конца XVIII в. С. 220–227.
- 67 *Филатова Н.М.* Подходы к изучению эго-документов в современной исторической науке в свете «лингвистического поворота» // Документ и «документаль-

- ное» в славянских культурах: между подлинным и мнимым: сб. научных трудов / под ред. Н.М. Куренной. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2018. С. 24–40.
- 68 Чекунова А.Е. Русское мемуарное наследие второй половины XVII–XVIII вв.: Опыт источниковедческого анализа. М.: Российское университетское изд-во, 1995. 134 с.
- 69 Черноморский М.Н. Мемуары как исторический источник: учеб. пособие по источниковедению истории СССР. М.: [б.и.], 1959. 80 с.
- 70 Чечулин Н.Д. Мемуары, их значение и место в ряду исторических источников: (Вступит. лекция, читанная в С.-Петербургском университете 22 янв. 1891 г. пред началом курса «Русские мемуары XVIII в.»). СПб.: Ред-я журн. «Библиограф», 1891. 16 с.
- 71 Эго-документальное наследие российской провинции XVIII–XXI веков: проблемы выявления, хранения, изучения, публикации: сб. науч. ст. / отв. ред. Т.И. Любина. Тверь: СФК-офис, 2014. 379 с.

References

- 1 Agafontseva, E.M. “K voprosu o poniatiino-terminologicheskome apparate raboty po memuaram” [“On the Conceptual and Terminological Apparatus of Work on Memoirs”]. *Omskii nauchnyi vestnik*, no. 7 (43), 2006, pp. 224–227. (In Russ.)
- 2 Alekseev, A. “Pis'mo, dnevnik, avtobiografiia: Mnogoobrazie form i sopriazhenie smyslov (teoretiko-metodologicheskie zametki)” [“Letter, Diary, Autobiography: Variety of Forms and Conjugation of Meanings (Theoretical and Methodological Notes)”]. *Teleskop*, no. 4, 2007, pp. 45–56. (In Russ.)
- 3 Antiukhov, A.V. *Russkaia memuarno-avtobiograficheskaia literatura XVIII veka: (Genesis, zhanrovo-vidovoe mnogoobrazie, poetika)* [Russian Memoir-Autobiographical Literature of the 18th Century: (Genesis, Genre Variety, Poetics): DSc Thesis, Summary]. Moscow, 2001. 34 p. (In Russ.)
- 4 Bezrogov, V.G. “Istoricheskoe osmyslenie personal'nogo opyta v avtobiografii” [“The Historical Understanding of Personal Experience in an Autobiography”]. *Formy istoricheskogo soznaniia ot pozdnei Antichnosti do Epokhi Vozrozhdeniia (issledovaniia i teksty): Sbornik nauchnykh trudov pamiati K.D. Avdevoi* [Forms of Historical Consciousness from Late Antiquity to the Renaissance (Researches and Texts): Collections of Scientific Works in Memory of K.D. Avdeeva]. Ivanovo, Ivanovo State University Publ., 2000, pp. 130–174. (In Russ.)
- 5 Bezrogov, V.G. “Pamiat' teksta: avtobiografii i obshchii opyt kollektivnoi pamiati” [“The Memory of the Text: Autobiography and the General Experience of Collective Memory”]. *Sotvorenie istorii: Chelovek. Pamiat'. Tekst: Tsikl lektsii* [Creation of History: Man. Memory. Text: A Series of Lectures]. Kazan', Master Lain Publ., 2001, pp. 5–38. (In Russ.)

- 6 Beliaevskii, M.T. "Glava 17. Memuary, dnevniki i perepiska" ["Chapter 17. Memoirs, Diaries and Correspondence"]. Koval'chenko, I.D., editor. *Istochnikovedenie istorii SSSR* [*Sources on History of the USSR*]. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1973, pp. 274–284. (In Russ.)
- 7 Vul'fson, G.N. "Metodika raboty s tekstami lichnogo proiskhozhdeniia" ["Methods of Working with Personal Texts"]. *Sotvorenie istorii: Chelovek. Pamiat'. Tekst: Tsikl lektsii* [*Creation of History: Man. Memory. Text: A series of Lectures*]. Kazan', Master Lain Publ., 2001, pp. 104–117. (In Russ.)
- 8 Galiullina, D.M. "Problema izucheniiia memuarov v otechestvennoi istoricheskoi mysli" ["The Problem of Studying Memoirs in Russian Historiography"]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriiia Gumanitarnye nauki*, vol. 148, no. 4, 2006, pp. 36–45. (In Russ.)
- 9 Garanin, L.Ia. *Memuarnyi zhanr sovetskoi literatury: Istoriko-teoreticheskoi ocherk* [*The Memoir Genre of Soviet Literature: Historical and Theoretical Essay*]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1986. 222 p. (In Russ.)
- 10 Gennadi, G. "Zapiski (memuary) russkikh liudei: Bibliograficheskie ukazaniia" ["Notes (Memoirs) of Russian People: Bibliographic Instructions"]. *Chteniia v Obshchestve istorii i drevnostei Rossiiskikh pri Moskovskom universitete*, vol. 4, 1861, pp. 51–76. (In Russ.)
- 11 Golubtsov, V.S. "Glava 32. Vospominaniia, dnevniki, perepiska" ["Chapter 32. Memoirs, Diaries, Correspondence"]. Koval'chenko, I.D., editor. *Istochnikovedenie istorii SSSR* [*Sources on History of the USSR*]. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1973, pp. 522–540. (In Russ.)
- 12 Golubtsov, V.S. *Memuary kak istochnik po istorii Sovetskogo obshchestva* [*Memoirs as a Source on the History of Soviet Society*]. Moscow, Moscow University Publ., 1970. 114 p. (In Russ.)
- 13 Giubieva, G.E. *Etapy razvitiia russkoi memuarno-biograficheskoi literatury XVIII v. [Stages of Development in Russian Memoir-Biographical Literature of the 18th Century: PhD Thesis, Summary]*. Moscow, 1969. 17 p. (In Russ.)
- 14 Derevnina, L.I. "O termine 'memuary' i klassifikatsii memuarnykh istochnikov (istoriografiia voprosa)" ["About the Term 'Memoirs' and Classification of Memoir Sources"]. *Voprosy arkhivovedeniia*, no. 4, 1963, pp. 32–38. (In Russ.)
- 15 Dmitriev, S.S. "Glava 24. Vospominaniia, dnevniki, chastnaia perepiska" ["Chapter 24. Memoirs, Diaries, Correspondence"]. Koval'chenko, I.D., editor. *Istochnikovedenie istorii SSSR* [*Sources on History of the USSR*]. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1973, pp. 393–414. (In Russ.)
- 16 Elizavetina, G.G. "Stanovlenie zhanrov avtobiografii i memuarov" ["Origin of the Genres of Autobiography and Memoirs"]. *Russkii i zapadnoevropeiskii klassitsizm: Proza* [*Russian and Western European Classicism: Prose*]. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 235–263. (In Russ.)

- 17 Zhitomirskaya, S.V. "Voprosy nauchnogo opisaniia memuarii istochnikov" ["Issues of the Scientific Description of Memoir Sources"]. *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1976 god* [Archaeographic Yearbook for 1976]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 41–59. (In Russ.)
- 18 Zhitomirskaya, S.V. "Predislovie" ["Preface"]. *Vospominaniia i dnevniki XVIII–XX vv.: Ukazatel' rukopisei* [Memoirs and Diaries of the 18th–20th Centuries: Index of Manuscripts]. Moscow, Kniga Publ., 1976, pp. 3–12. (In Russ.)
- 19 Zaionchkovskii, P.A. "Vvedenie" ["Introduction"]. Zaionchkovskii, P.A., editor. *Istoriia dorevoliutsionnoi Rossii v dnevnikakh i vospominaniakh: Annotir. ukazatel' knig i publikatsii v zhurnalakh* [History of Pre-Revolutionary Russia in Diaries and Memoirs: Annotated Index of Books and Publications in Magazines], vol. 1. Moscow, Kniga Publ., 1976, pp. 3–15. (In Russ.)
- 20 Zaretskii, Iu.P. *Avtobiograficheskie Ia ot Avgustina do Avvakuma: (Ocherki istorii samosoznaniia evropeiskogo individa)* [Autobiographical Self from Augustine to Avvakum: (Essays on the History of Self-Consciousness of a European Individual)]. Moscow, IVI RAN Publ., 2002. 323 p. (In Russ.)
- 21 Zaretskii, Iu.P. "Avtobiografiia" ["Autobiograph"]. *Rossiiskaia istoricheskaia entsiklopediia* [Russian Historical Encyclopedia], vol. 1. Moscow, OLMA Media Group Publ., 2011, pp. 104–110. (In Russ.)
- 22 Zaretskii, Iu.P. "Novye podkhody k izucheniiu svidetel'stv o sebe v evropeiskikh issledovaniakh poslednikh let" ["New Approaches to the Study of Self-Evidence in Recent European Studies"]. *Avtor i biografiia, pis'mo i chtenie: Sbornik dokladov mezhdistsiplinarnogo issledovatel'skogo seminaru Fakulteta filosofii Natsional'nogo issledovatel'skogo universiteta – Vyshei shkoly ekonomiki* [Author and biography, letter and reading: Collection of reports of an interdisciplinary research seminar of the Faculty of Philosophy of the National Research University – Higher School of Economic]. Moscow, HSE Publ., 2013, pp. 24–41. (In Russ.)
- 23 Zaretskii, Iu.P. "Rasskazy o sebe v Rossii XVIII veka kak sotsial'nye praktiki (opyt postroeniia klassifikatsii)" ["Narratives about the Self in Russia of the 18th Century as Social Practices (the Experience of Constructing a Classification)"]. *Chelovek*, no. 6, 2016, pp. 103–115. (In Russ.)
- 24 Zaretskii, Iu.P. "Svidetel'stva o sebe 'malen'kikh' liudei: novye issledovaniia gollandskikh istorikov" ["Self-Narratives of Ordinary People: New Studies by Dutch Historians"]. *Chelovek vtorogo plana v istorii* [Ordinary People in History], issue 4. Rostov-on-Don, Logos Publ., 2007, pp. 5–19. (In Russ.)
- 25 Zaretskii, Iu.P. "Svidetel'stva o sebe 'malen'kikh' liudei: novye issledovaniia frantsuzskikh istorikov" ["Self-Narratives of Ordinary People: New Studies by French Historians"]. *Cogito. Al'manakh istorii idei* [Cogito. Almanac of the history of ideas], issue 5. Rostov-on-Don, Logos Publ., 2011, pp. 54–68. (In Russ.)

- 26 Zaretskii, Iu.P. "Teoriia literaturnykh zhanrov i nekotorye voprosy istoricheskogo izucheniia avtobiograficheskikh tekstov" ["Theory of Literary Genres and Some Questions of the Historical Study of Autobiographical Texts"]. *Novyi obraz istoricheskoi nauki v vek globalizatsii i informatizatsii* [A New Image of Historical Science in the Age of Globalization and Informatization]. Moscow, IVI RAN Publ., 2005, pp. 159–173. (In Russ.)
- 27 Ivanova, N.N. "Vidovaia i vnutrividovaia klassifikatsiia istochnikov lichnogo proiskhozhdeniia: problemy istochnikovedcheskogo analiza" ["Classification of the Sources of Personal Origin: Problems of Source Analysis"]. *Vestnik RUDN. Seriia Istoriia Rossii*, no. 3 (7), 2006, pp. 105–109. (In Russ.)
- 28 Iziumskii, A.B. *Zapiski sovremennikov kak istochnik po istorii rossiiskogo krest'ianstva XVIII v.* [Notes of Contemporaries as a Source on the History of Russian Peasantry of the 18th Century: PhD Thesis, Summary]. Moscow, 1986. 25 p. (In Russ.)
- 29 Surzhikova, N.V., editor. *Istoriia v ego-dokumentakh: Issledovaniia i istochniki* [History in Ego-Documents: Research and Sources]. Yekaterinburg, AsPur Publ., 2014. 336 p. (In Russ.)
- 30 Zaionchkovskii, P.A., editor. *Istoriia dorevoliutsionnoi Rossii v dnevnikakh i vospominaniakh: Annotir. ukazatel' knig i publikatsii v zhurnalakh* [History of Pre-Revolutionary Russia in Diaries and Memoirs: Annotated Index of Books and Publications in Magazines], vol. 1–5. Moscow, Kniga Publ., 1976–1989. (In Russ.)
- 31 Stetskevich, M.Ia., editor. *Istoriia SSSR v vospominaniakh i dnevnikakh: (Annotirovannyi katalog rukopisei. Konets XVIII v. – 1917 g.)* [History of the USSR in Memoirs and Diaries: (Annotated Catalog of Manuscripts. The End of the 18th Century – 1917)], issue 1. Leningrad, SPL Publ., 1975. 260 p. (In Russ.)
- 32 Kardin, V. *Segodnia o vcherashnem: Memuary i sovremennost'* [Today about Yesterday: Memoirs and the Present]. Moscow, Voenizdat Publ., 1961. 191 p. (In Russ.)
- 33 Kipnes, L.V., Servie, E.O. "Memuarnaia literatura i ee kommunikativnaia sposobnost'" ["M memoir Literature and Its Communicative Ability"]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, no. 2 (34), 2007, pp. 137–140. (In Russ.)
- 34 Kireeva, R.A. "Neizdannyi tom 'Opyta russkoi istoriografii' V.S. Ikonnikova. [Ch. 1]" ["Unpublished Volume of 'The Experience of Russian Historiography' by V.S. Ikonnikov. Part 1"]. *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1977 god* [Archeographic Yearbook for 1977]. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 323–335. (In Russ.)
- 35 Kireeva, R.A. "Neizdannyi tom 'Opyta russkoi istoriografii' V.S. Ikonnikova. [Ch. 2]" ["Unpublished Volume of 'The Experience of Russian Historiography' by V.S. Ikonnikov. Part 2"]. *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1978 god* [Archeographic Yearbook for 1978]. Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 265–275. (In Russ.)
- 36 Kriuchkova, M.A. "Russkaia memuaristika vtoroi poloviny XVIII v. kak sotsiokul'turnoe iavlenie" ["Russian Memoirs of the Second Half of the 18th Century as a Sociocultural Phenomenon"]. *Vestnik MGU, Seriia 8. History*, no. 1, 1994, pp. 17–28. (In Russ.)

- 37 Kulle, R., Bel'chikov, N., Dynnik, V. "Memuarnaia literature" ["Memoirs"]. *Literaturnaia entsiklopediia* [Literature Encyclopedia], vol. 7. Moscow, OGIZ RSFSR Publ., 1934, col. 131–149. (In Russ.)
- 38 Kurnosov, A.A. "K voprosu o prirode vidov istochnikov" ["On the Question of the Nature of the Types of Sources"]. *Istochnikovedenie otechestvennoi istorii: sbornik statei. 1976* [Sources of Russian History: Collection of Articles. 1976]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 5–25. (In Russ.)
- 39 Kurnosov, A.A. *Metody issledovaniia memuarov: Memuary kak istochnik po istorii narodnogo soprotivleniia v period Velikoi Otechestvennoi voiny* [Methods of Study of Memoirs: Memoirs as a Source on the History of National Resistance During the Great Patriotic War: PhD Thesis, Summary]. Moscow, 1965. 26 p. (In Russ.)
- 40 Lappo-Danilevskii, A.S. *Metodologiia istorii* [Methodology of History]. Moscow, Territoriia budushchego Publ., 2006. 621 p. (In Russ.)
- 41 Letiagin, L.N. "Lichnyi dnevniki: samosoznanie zhanra" ["Personal Diary: Self-Identity of the Genre"]. *Izvestiia RGPU im. A.I. Gertsena*, no. 10 (56): Social Sciences and Humanities, 2008, pp. 56–67. (In Russian)
- 42 Maiga, A.A. "Travelog kak avtobiograficheskoe sochinenie" ["Travelogue as an Autobiographical Essay"]. Zaretskii, Iu.P., and E.K. Karpenko, and Z.V. Shushpanova, editors. *Avtobiograficheskie sochineniia v mezhdistsiplinarnom issledovatel'skom prostranstve: Liudi, teksty, praktiki* [Autobiographical Essays in an Interdisciplinary Research Space: People, Texts, Practices]. Moscow, Biblio-Globus Publ., 2017, pp. 267–280. (In Russ.)
- 43 "Memuary" ["Memoirs"]. *Entsiklopedicheskii slovar'* [Encyclopedic Dictionary], vol. 19, publ. F.A. Brockhaus, I.A. Efron. St. Petersburg, 1896, pp. 70–74. (In Russ.)
- 44 Miliugina, E.G. "Putevye ego-dokumenty: prostranstvo fizicheskoe i mental'noe" ["Travel Ego-Documents: Physical and Mental Space"]. Liubina, T.I., editor. *Ego-dokumental'noe nasledie rossiiskoi provintsii XVIII–XXI vekov: problemy vyivleniia, khraneniia, izucheniia, publikatsii: Sbornik nauchnykh statei* [Ego-Documentary Heritage of the Russian Province of the 18th–21st Centuries: Problems of Identification, Storage, Study, Publication: Collection of Scientific Articles]. Tver, SFG-ofis Publ., 2014, pp. 200–206. (In Russ.)
- 45 Miliugina, E.G., Stroganov, M.V. "Dokumental'nost' traveloga i sposoby obobshcheniia (po materialam Tverskogo Verkhnevolzh'ia)" ["Documentary Character of Travelogue and Generalization Methods (Based on the Materials of the Tver Upper Volga)"]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriiia Gumanitarnye nauki*, vol. 158, no. 1, 2016, pp. 66–79. (In Russ.)
- 46 Miliugina, E.G., Stroganov, M.V. "Lichnost' avtora-puteshestvennika v traveloge novogo vremeni" ["The Identity of the Author-Traveler in the Travelogue of the Modern Period"]. *Kul'tura i tekst*, no. 18 (3), 2014, pp. 6–18. (In Russ.)

- 47 Miliugina, E.G., Stroganov, M.V. "Printsipy izucheniia 'tverskikh' travelogov XVI–XX vekov" ["The Principles of the Study of 'Tver' Travelogues of the 16th–20th Centuries"]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filologiya*, no. 3, 2011, pp. 37–43. (In Russ.)
- 48 Miliugina, E.G., Stroganov, M.V. "Travelog kak dokumental'nyi zhanr. Stat'ia pervaiia" ["Travelogue as a Documentary Genre. Article 1"]. *Russkii travelog XVIII–XX vekov: marshruty, toposy, zhanry i narrativy* [Russian Travelogue of the 18th–20th Centuries: Routes, Toposes, Genres and Narratives]. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 2016, pp. 231–260. (In Russ.)
- 49 Miliugina, E.G., Stroganov, M.V. "Chastnoe puteshestvie kak bioistoricheskii istochnik" ["Private Travel as a Biohistorical Source"]. Sereda, N.V., editor. *Dokumenty lichnogo proiskhozhdeniia v teorii i praktike nauchnykh issledovani* [Documents of Personal Origin in the Theory and Practice of Scientific Research]. Tver, Tver State University Publ., 2014, pp. 144–151. (In Russ.)
- 50 Mints, S.S. "Ob osobennostiakh evoliutsii istochnikov memuarного kharaktera: (K postanovke problemy)" ["About the Features of the Evolution of Sources of Memoir Character: (To the Statement of the Problem)"]. *Istoriia SSSR*, no. 6, 1979, pp. 55–70. (In Russ.)
- 51 Mintslov, S.R. *Obzor zapisok, dnevnikov, vospominanii, pisem i puteshestvii, otnosiashchikhsia k istorii Rossii i napechatannykh na russkom iazyke* [Review of Notes, Diaries, Memoirs, Letters and Travels Related to the History of Russia and Printed in Russian], issue 1–5. Novgorod, Gubernskaia tipografiia Publ., 1911–1912. (In Russ.)
- 52 Mikheev, M. *Dnevnik v Rossii XIX–XX veka – ego-tekst, ili pred-tekst* [Diary in Russia of the 19th–20th Centuries – Ego-Text, or Pre-Text]. Moscow, 2006. 217 p. (In Russ.)
- 53 Pekarskii, P.P. "Russkie memuary XVIII veka" ["Russian Memoirs of the 18th Century"]. *Sovremennik*, no. 4, 1855, pp. 53–90; no. 5–6, 1855, pp. 29–62, no. 7–8, pp. 63–120. (In Russ.)
- 54 Priimak, N.I., Valegina, K.O. *Memuary, dnevniki, pis'ma kak istoricheskii istochnik: Uchebnoe posobie* [Memoirs, Diaries, Letters as a Historical Source: Textbook]. St. Petersburg, Lema Publ., 2018. 69 p. (In Russ.)
- 55 Pushkarev, L.N. *Klassifikatsiia russkikh pis'mennykh istochnikov po otechestvennoi istorii* [Classification of Russian written sources on Russian history]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 281 p. (In Russ.)
- 56 [Pyliaev, M.I.] "Zapiski russkikh liudei" ["Notes of Russian People"]. *Istoricheskii vestnik*, no. 1, Varia, 1890, pp. 232–234. (In Russ.)
- 57 Reingol'd, A.S. "Zhanrovyie osobennosti literaturnogo dnevnika i dnevnik kak neliteraturnyi tekst" ["Genre Features of a Literary Diary and a Diary as a Non-Literary Text"]. *Vestnik RGGU*, no. 11, 2010, pp. 118–129. (In Russ.)
- 58 Roshal', L.M. "K metodike sostavleniia katalogov memuarov i dnevnikov" ["On the Methodology of Compiling Catalogues of Memoirs and Diaries"]. *Trudy Moskovskogo*

- gosudarstvennogo istoriko-arkhivnogo instituta, vol. 16, 1961, pp. 267–280. (In Russ.)
- 59 Rumiantseva, M.F. "Istochniki lichnogo proiskhozhdeniia" ["Sources of the Personal Origin"]. Danilevskii, I.N., Kabanov, V.V., Medushevskaja, O.M., Rumiantseva, M.F. *Istochnikovedenie: Teoriia. Istoriia. Metod. Istochniki rossiiskoi istorii: uchebnoe posobie dlia gumanitarnykh spetsial'nostei* [Source study: Theory. History. Method. Sources of Russian history: Textbook for Humanitarian Specialties]. Moscow, RSHU Publ., 2004, pp. 466–488. (In Russ.)
- 60 Sirotina, I.L. "Kul'turologicheskii potentsial memuarnogo istochnika: poiski novoi paradigmy" ["The Culturological Potential of a Memoir Source: The Quest for a New Paradigm"]. *Metafizika ispovedi. Prostranstvo i vremia ispovedal'nogo slova: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 26–27 maia 1997 g.)* [Metaphysics of Confession. The Space and Time of the Confessional Word: Proceedings of the International Conference (St. Petersburg, May 26–27, 1997)]. St. Petersburg, Human Institute of the Russian Academy of Sciences Publ. (St. Petersburg Branch), 1997, pp. 78–84. (In Russ.)
- 61 Sirotina, I.L. "Kul'turologicheskoye istochnikovedeniye: problema memuaristiki" ["Culturological Source Study: The Problem of Memoirs"]. *Metodologiya gumanitarnogo znaniia v perspektive XXI veka: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. 18 maia 2001 g. Sankt-Peterburg: K 80-letiiu professora Moiseia Samoilovicha Kagana* [Methodology of humanitarian knowledge in the perspective of the 21st century: Materials of an international scientific conference. May 18, 2001 St. Petersburg: On the 80th anniversary of Professor Moisey Samoilovich Kagan]. St. Petersburg, St. Petersburg Philosophy society Publ., 2001, pp. 226–232. (In Russ.)
- 62 Tartakovskii, A.G. *1812 god i russkaia memuaristika: Opyt istochnikovedcheskogo izucheniiia* [1812 and Russian Memoirs: Example of the Source Study Research]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 312 p. (In Russ.)
- 63 Tartakovskii, A.G. *Russkaia memuaristika XVIII – pervoi poloviny XIX v.: Ot rukopisi k knige* [Russian Memoirs of the 18th – First Half of the 19th Century: From the Manuscript to the Book]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 286 p. (In Russ.)
- 64 Tartakovskii, A.G. *Russkaia memuaristika i istoricheskoe soznanie XIX veka* [Russian Memoirs and Historical Consciousness of the 19th Century]. Moscow, Arkheograficheskii tsentr Publ., 1997. 356 p. (In Russ.)
- 65 Tverdiukova, E.D. "Istochniki lichnogo proiskhozhdeniia" ["Sources of the Personal Origin"]. Sirenov, A.V., editor. *Istochnikovedenie: uchebnik dlia akademicheskogo bakalavriata* [Source Studies: Textbook for Academic Undergraduate]. Moscow, Iurait Publ., 2018, pp. 289–305. (In Russ.)
- 66 Tikhomirov, M.N. "Glava 18. Memuarnaia literatura XVIII v." ["Chapter 18. Memoir Literature of the 18th Century"]. *Istochnikovedenie istorii SSSR [Source Study of the History of the USSR]*, vol. 1: S drevneishikh vremen do kontsa XVIII v. [From the

- Ancient Times to the End of the 18th Century]. Moscow, Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo Publ., 1940, pp. 220–227. (In Russ.)
- 67 Filatova, N.M. "Podkhody k izucheniiu ego-dokumentov v sovremennoi istoricheskoi nauke v svete 'lingvisticheskogo povorota'." ["Approaches to the Study of Ego-Documents in Modern Historical Science in the Light of the 'Linguistic Turn'."]. Kurennoi, N.M., editor. *Dokument i "dokumental'noe" v slavianskikh kul'turakh: mezhdupodlinnym i mnimym: sb. nauchnykh trudov* [Document and "Documentary" in Slavic Cultures: Between the Real and the Imaginary: Collection of Articles]. Moscow, Institute of Slavic studies Publ., 2018, pp. 24–40. (In Russ.)
- 68 Chekunova, A.E. *Russkoe memuarnoe nasledie vtoroi poloviny XVII–XVIII vv.: Opyt istochnikovedcheskogo analiza* [Russian Memoirs of the Second Half of the 17th–18th Centuries: Example of the Source Study Analysis]. Moscow, Russian University Publ., 1995. 134 p. (In Russ.)
- 69 Chernomorskii, M.N. *Memuary kak istoricheskii istochnik: uchebnoe posobie po istochnikovedeniiu istorii SSSR* [Memoirs as a Historical Source: Textbook for Source Study on History of the USSR]. Moscow, 1959. 80 p. (In Russ.)
- 70 Chechulin, N.D. *Memuary, ikh znachenie i mesto v riadu istoricheskikh istochnikov: (Vstupit. lektsiia, chitannaia v S.-Peterburgskom universitete 22 ianv. 1891 g. pred nachalom kursa "Russkie memuary XVIII v.")* [Memoirs, Their Significance and Place among Historical Sources: (Introductory Lecture Given at St. Petersburg University on January 22, 1891 before the Course "Russian Memoirs of the 18th Century")]. St. Petersburg, Bibliographer journal Publ., 1891. 16 p. (In Russ.)
- 71 Liubina, T.I., editor. *Ego-dokumental'noe nasledie rossiiskoi provintsii XVIII–XXI vekov: problemy vyivleniia, khraneniia, izucheniia, publikatsii: Sbornik nauchnykh statei* [Ego-Documentary Heritage of the Russian Province of the 18th–21st Centuries: Problems of Identification, Storage, Study, Publication: Collection of Articles]. Tver, SFK-ofis Publ., 2014. 379 p. (In Russ.)